

Российская Академия Наук
Институт философии

**ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ РОССИИ,
РОССИЯ ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ**

Москва
2008

УДК 300.51
ББК 66.3(2)1
Д–30

Ответственный редактор
академик РАН *А.А. Гусейнов*

Д–30 **Демократия** для России – Россия для демократии [Текст]
/ Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М. : ИФРАН, 2008. – 87 с. ; 20 см. – 1 000 экз. – ISBN 978-5-9540-0109-9.

В данной работе собраны материалы обсуждения статьи В.Ю.Суркова «Национализация будущего. Параграфы pro суверенную демократию» на заседании Ученого совета Института философии РАН в июне 2007 г.

ОТ РЕДАКТОРА

В данной работе собраны материалы обсуждения статьи В.Ю.Суркова «Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию» на заседании Ученого совета Института философии РАН в июне 2007 г. Обсуждение состоялось с участием автора статьи. Материалы включают в себя выступления членов Ученого совета, заключительное слово В.Ю.Суркова, а также (в качестве приложения) текст самой статьи. Выступления даны в том порядке, в каком они были сделаны, и в том виде, какой они приобрели после авторской правки. Поскольку на Ученом совете обычно обсуждаются доклады, в ряде выступлений статья по инерции именуется докладом. Для удобства издания редактор счел возможным снабдить выступления названиями, которые, разумеется, являются условными.

Инициатива состоявшегося обсуждения исходила от Ученого совета и была вызвана философской заостренностью поставленных в статье проблем. Обсуждение проходило в форме свободной дискуссии и было сосредоточено на основных затронутых в статье идеях, прежде всего идее суверенной демократии.

Публикуя эти материалы, мы рассматриваем их как призыв к продолжению научной и общественной дискуссии о своеобразии демократических процессов в России и мире. Они могут также представлять интерес как опыт философского осмысления актуальных проблем культуры и социально-политической жизни страны.

Э.Ю. Соловьев

МЫ НУЖДАЕМСЯ В СЕРЬЕЗНОЙ, ОТВЕТСТВЕННОЙ РЕЧИ

Рассказы и легенды о «Параграфах про суверенную демократию» дошли до меня (думаю, и до других) раньше, чем мы получили обсуждаемый сегодня подлинный текст В.Ю.Суркова. Рассказы о «Параграфах...» распространялись по-разному, о них можно было узнать и через радиостанцию «Свобода», и из институтских курилок. Судачили о появлении кремлевского документа, который формулирует некое необюрократическое кредо, утверждая, если говорить коротко, суверенность демократической элиты по отношению к избравшему ее народу.

Познакомившись с подлинным текстом «Параграфов...», я рад был убедиться, что эти рассказы неверны. Выражение «суверенная демократия» употребляется Владиславом Сурковым вполне корректно, поскольку отнесено к смысловому полю международного права и имеет в виду (как прямо формулируется на соответствующей странице), либерализацию международных отношений и демонополизацию глобальной экономики.

Я готов согласиться со многими положениями обсуждаемого документа. Прежде всего мне нравится решительный запрет, который налагается в нем на социальную расточительность и привычку сорить людьми, в течение столетий свойственные российской политике. Мне нравится, что культурное превосходство утверждается как единственно надежный базис превосходства всякого другого — экономического, политичес-

кого и т.д. Кто из нас не готов разделить надежду на то, что система образования сделается инфраструктурой будущей экономики как экономики знаний и высоких технологий?

Вместе с тем меня не вполне удовлетворяет язык, на котором столь отрадны идеи формулируются и отстаиваются.

Один из участников сегодняшнего нашего собрания (если захочет, пусть назовется) остроумно заметил, что у текста В. Суркова дискурс клипа. С одной стороны, мне это нравится: приятно видеть, когда политик высокого уровня понимает, что такое свободная метафора (скажем, метафора «интеллектуалы, для которых солнце восходит на Западе», или метафора «окно в Европу прорубалось такими средствами, которые нельзя назвать даже азиатскими, чтобы не посрамить Азию»). В атмосфере свободных, почти рекламных метафор свободно дышится. Нравится мне и ироническое отстранение от буквального смысла некоторых выражений и терминов (скажем, от самого термина «параграф», который включен в заголовок статьи).

С другой стороны, именно «дискурс клипа» меня не устраивает. На мой взгляд, сегодня существует повсеместная острая нужда в максимально однозначном социально-политическом тексте, содержащем как можно больше развернутых обоснований и доказательств. Это важно и из-за общего состояния наших массовых коммуникаций, и в силу некоторых особых обстоятельств. Я бы сказал, что мы дуреем от недостатка литературной вменяемости и от избытка игровой безответственности, которая по самому существу предполагается меткой метафорой и интеллигентским юмором. Мы дуреем от языка подмигивания и перемигивания, как когда-то говорил Мераб Мамардашвили. Нужна серьезная, если хотите, педантичная речь, и хорошо, если бы инициатива здесь исходила от наших президентских «речевиков».

Это особенно существенно в последние месяцы, когда стало ясно, что преемственность власти в нашей стране не будет преемственностью лица, а будет преемственностью проекта, плана или пути. Многое зависит от того, насколько ясно, определенно и доказательно этот путь будет очерчен публицистически. В этой связи я очень желал бы Владиславу Юрьевичу подумать о каких-то других способах изложения своих завет-

ных идей. Мне кажется, сегодня совершенно необходимо выносить в прямой текст то, что обычно лежит в подтекстах интеллигентского намека, и уделить как можно больше внимания шепетильной, рациональной аргументации.

Я думаю, что в этом отношении Вам может быть полезен контакт с нашим Институтом как признанным центром методологической, логической и семантической культуры. Может быть, нам многого в этом отношении еще недостает, но всё-таки, если некоторые Ваши тексты Вы будете нам показывать не в состоянии литературной завершенности, а раньше, когда они ещё Вас самих смущают, то это будет обоюдополезно.

Не могу не заметить, что известные острые сомнения вызывают как раз те фрагменты «Параграфов...», которые представляются мне наиболее интересными. Вот небольшой раздел, который называется «Работа». Он эвристически ценен для всей социальной практики современной демократии, но одновременно именно он содержит в себе выражения, едва ли вообще уместные в устах демократа. Таковы — «сплоченная элита», политическое «интеллектуальное лидерство» и, наконец, «творческое сословие как ведущий слой нации». Перед нами язык меритократической аристократии, и очень печально, если концепция «суверенной демократии» будет им пользоваться. На мой взгляд, никакой сословной преемственности в демократической элите быть не может, и во избежание недоразумений это надо оговаривать обстоятельно и четко.

В разделе «Работа» завязывается вся тема образования и демократизации образования. Глядя в будущее, мы вправе видеть в России страну, где наука и образование делаются решающими факторами ее конкурентоспособности. Охотно с этим соглашаюсь. Охотно принимаю следующую футуристическую констатацию: система образования — это, возможно, такая же инфраструктура экономики знаний, как трубопроводы для тепрейшей экономики нефти.

Но именно в этой связи у меня опять-таки возникают сомнения и несогласия. У Вас структура демократического образования рассматривается как изначально рыночная. Я думаю, что хотя образование непременно замыкается на рынок, в самой его организации рыночное начало, начало никак не ого-

вариваемой конкуренции, не может быть определяющим. И если что-то в традиции советской школы, и средней, и высшей, было цивилизованно значимым, так это осуществление начал... социалистического соревнования. Лозунги социалистического соревнования в производстве, в экономике были демагогией и туфтой, но им во многом отвечало то, что происходило в школе.

Это крупная тема, я ее помечу таким образом. Три очень разных, но все-таки, на мой взгляд, самых выдающихся педагога советского времени (я имею в виду Макаренко, Сухомлинского и Соловейчика), сходились в одном интересном тезисе: они считали, что подлинным критерием достоинств учебно-воспитательного коллектива является уровень воспитанных им троечников. Когда-то у Богданова в его тектологии («организационной науке») было сформулировано очень любопытное правило: насколько быстро движется сплоченная группа, определяется тем, насколько быстро могут идти самые слабые ее участники.

Как пожилой человек я часто вспоминаю одну удивительную вещь: на всех этажах советского образования, даже в сталинское время (и, может быть, особенно в сталинское время, при всех других дефектах, о которых много говорилось и еще больше надо говорить) действовало правило помощи отстающим. Эта помощь была эффективна и важна не только для самих отстающих, но и для тех, кто их за собой вел.

Сохранение профессиональной политической элиты вообще возможно только благодаря методичному (с начальных классов школы практикуемому) противостоянию элитарности. Обязательное условие стабильного политического профессионализма — это сменяемость демократической элиты как элиты по определению выборной. Понимание данного обстоятельства, может быть, ни в чем не проступает так отчетливо, как в поведении нынешнего Президента. Твердость, которую он проявляет в отстаивании конституционного требования сменяемости всякого выборного должностного лица — в уже обнародованном отказе от недемократического «третьего срока» — вот что, на мой взгляд, может стать самой значительной из многих его заслуг. Суверенность главы суверенной демократии едва ли может быть продемонстрирована сегодня каким-либо иным политическим актом.

Т.И. Ойзерман

О РОССИЙСКОЙ НАЦИИ И НАУКЕ КАК ГЛАВНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЕ

Мне этот доклад представляется некоторой системной совокупностью тезисов. Каждый из этих тезисов может и, наверное, должен быть развернут в форме статей или разделов книги, или еще большего доклада. Во всяком случае, это некоторая идеологическая платформа, не буду употреблять слово «манифест», хотя кое-что есть и от этого.

Но, прежде всего, мне понравилось разъяснение простой вещи относительно суверенной демократии. У нас так много болтали в повседневной печати об этом, что это тавтология, что это плеоназм и т.д., между тем, как это понятие широко употребляется в зарубежной печати. И автор доклада уместно приводит высказывания государственного секретаря Соединенных Штатов Америки и председателя Комиссии Евросоюза Проди, которые спокойно говорят о суверенной демократии, потому что это никакая не юридическая новация, это просто разъяснение смысла понятия демократия.

Второе, что мне очень по душе, это то, что автор высказывается, хотя не вполне определенно, но все-таки высказывается за так называемую плюралистическую демократию, а не за мажоритарную. Суть дела ведь в том, что маленькие партии, у нас таких 3, 4, а может быть и больше, я не знаю, сколько их, знаю, что они не проходят в наш парламент, хотя набирают, то 3%, то 4%, а то и 5%. А сейчас планку установили уже 7%, если не ошибаюсь. Значит, ни одна из них не пройдет. А в сумме-то

они ведь наберут процентов 20 голосующих граждан. 20% электората — это значительное количество взрослых людей, с которыми надо считаться, которых надо уважать и принимать во внимание их пожелания. Если бы моя воля была в этом деле, я бы вообще установил, что если набрали вы 2%, вам и дадут 2% в парламенте, набрали 3%, получите 3% в парламенте и т.д. А во все не так, чтобы была обязательная заградительная планка.

Мне очень понравилось, по многим причинам, то, что автор доклада говорит о российской нации как сверхэтническом образовании, т.е. охватывающем все народы нашей многонациональной Родины. И это, собственно, опять не какая-то новация, хотя для нас это — новация. Во Франции белые, черные, желтые граждане — все именуются французами. Я уже не говорю о Соединенных Штатах. Почему же у нас не может быть также, хотя у нас еще в советские времена была провозглашена и действительно существовала дружба народов, исключаящая позорную ксенофобию. Так было. Так и ныне должно быть. Правда, понятие российской нации довольно трудно перевести на другие языки, потому что всюду получается «рюс», т.е. русский, но можно: скажем, сказать «насьон де рюс». Это значит россиянин.

В этом докладе много говорится об интеллектуальном ресурсе, но мне кажется, что понятие ресурса требует некоторого логического расчленения. Скажем, нефть 100 лет назад не была ресурсом, потому что она никому не была нужна. Когда она стала нужна, она стала ресурсом. То же самое относится ко многим другим вещам. В нашей необъятной Родине бóльшая часть воздушного пространства еще не является ресурсом, бóльшая часть нашей земли также еще не является ресурсом. Значит, для того, чтобы они стали ресурсами, они должны быть прибраны к рукам, они должны сделаться тем, чем производитель пользуетя.

Я подхожу тем самым к вопросу об интеллектуальном ресурсе. Примерно года 2 или 2,5 назад в «Известиях» я прочел коротенькое сообщение, (жалко, что коротенькое), что Президент Российской Академии наук докладывал Президенту страны В.В.Путину о том, что у нас имеется свыше 400 научно-технических разработок, однако, лишь небольшая часть из этих разработок пошла в дело. Это опять таки вопрос о ресурсах.

Интеллектуальный ли это ресурс или нет, нужна ли нашей стране всесторонне развитая наука или не нужна? И на последнем собрании Академии наук опять академик Осипов докладывал, столько сделано научно-технических открытий, столько изобретений. Фактически, получился большой доклад на эту тему, собственно, о фундаментальных теоретических исследованиях он говорил немного. Да это и понятно, ведь большая часть членов академии занимается фундаментальными прикладными исследованиями, в значительной своей части оборонными. И президент Российской академии наук докладывает, какие из этих научно-технических разработок и открытий востребованы предприятиями. Таких меньшинство. Он также указывает на то, что ряд академических открытий и научно-технических разработок нашли понимание на Западе, а у нас пока еще нет. Наши производственники зачастую оказываются консервативными. Как это преодолеть? Ведь это застарелая, хроническая хвороба.

Мне думается, что вопрос об интеллектуальном ресурсе надо поставить более жестко, определенно, категорически. У нас, правда, говорят и пишут об экономике знаний. Я бы выразился более определенно, честно. Я бы сказал: наука — **главная** производительная сила. Нет более важной, более мощной производительной силы, чем наука. С тех пор, как в прошлом веке началась научно-техническая революция, которая продолжается и по сей день, с тех пор, как создали атомные реакторы, ракетные двигатели, компьютеры, современные самолеты, нанотехнология, каждому должно быть ясно, что все это воплощение науки, ее произведения. Почему же наука все еще рассматривается как некая, отнюдь не первостепенная отрасль, которая не заслуживает больше, чем 1,5% бюджета? Может быть, она, действительно, не заслуживает, если ею не пользуются. Это дело другое. Но если ею не пользуются, давайте, выясним, кто же виноват в этом, наука или кто-то другой.

Мне еще хочется сказать о том, что в докладе есть приятное чувство юмора, чувство иронии, какое-то внутреннее сознание самокритичности что ли. Мне понравилась такая фраза: пока же велики не столько достигаемые цели и утверждаемые ценности, сколько цены на углеводородное сырье. Но это

не единственная фраза, которая показывает, что автор с иронией воспринимает некоторые вещи и, действительно, их надо воспринимать с иронией.

Мне на днях попала книга президента Ассоциации банков Тосуняна. Она называется «Год великого перелома». Я стал листать эту книгу. Оказывается, было постановление, было какое-то решение Государственного совета о банках, и Тосунян был так воодушевлен этим, что решил, что раз есть такое постановление, значит, действительно, будет великий перелом, значит, как он пишет, произойдет «банкизация» всей страны. А у нас ведь 70% населения не имеют банковского счета, например, в Сбербанке, так как живут от полочки до полочки. Конечно, я понимаю энтузиазм Толуныяна. Наверное, он все сделает, чтобы так и было, как сказано, но, с другой стороны, я боюсь, что это постановление, как и многие другие, останется постановлением, **только** постановлением. И я опасаясь, что некоторые плодотворные тезисы, которые в этом докладе высказаны и которые заслуживают того, чтобы получить какое-то законодательное оформление, хотя бы тот же вопрос о российской нации, так и останутся Вашими тезисами, которые очень радуют нас, но должны стать чем-то бульшим, чем тезисы. Спасибо.

В.Г. Федотова

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗМА

Нас удивляет и радует такой формат встречи, и я понимаю, что концепция суверенной демократии возникла как реакция на ряд процессов, которые проходили в обществе и которые можно было преодолеть, найдя некие формулы идеологического характера и формулы политического проекта. Прежде всего, это реакция на козыревскую внешнюю политику, оранжевые революции. Наша помощь американцам в Афганистане оказалась не оцененной должным образом. Еще не успели остыть трупы на улицах Кандагара, а нас уже не приняли в НАТО, хотя Блэр это предлагал, Буш вышел из договора о противоракетной обороне, затем война в Ираке. Сыграли роль национальные цели России, которая стремится подняться, занять место в мире, цели власти, связанные с менеджментом российских транснациональных компаний, выходом наших компаний в глобальную экономику. Все это заставляло искать новые слова для демократии в России, которая имеет еще и национальные цели, то есть стремится также к сохранению идентичности, но, вместе с тем, к открытости миру. В термине «суверенная демократия», таким образом, глобальные процессы связывались с правом на национальное самоутверждение.

Конечно, обсуждаемый текст не является сугубо теоретическим, и я бы хотела порассуждать о теоретическом контексте этой концепции и ее развитии. До начала глобализации Россия и другие страны развивались по модели догоняющей модерни-

зации. Запад был единственным образцом развития, и, начиная с Петра I, мы шли за этим образцом, хотя тема суверенности постоянно существовала, и Россия была страной, которая никогда не была колонизирована.

Но когда началась глобализация 90-х, многое изменилось, потому что в этой второй глобализации, когда коммунизм распался, произошла победа либерализма в глобальном масштабе. Капитализм стал мировой системой, появилось много новых стран, в которых задействованы капиталистические механизмы хозяйствования, и много стран, которые перешли к капитализму или к хозяйственной демократии. Для самого Запада вопрос о том, как выращивать в этих странах субстанцию, адекватную его собственной, просто отпал. Запад оказался уже не в состоянии предложить всему миру свою модель демократии и развития. Скорее, Запад был соблазнен тем, что он может получать прибыль в этих странах.

Поэтому модернизация, которая в качестве догоняющей была как бы двусторонним процессом, с одной стороны, стремлением демократических элит к преобразованию по образцу Запада, а, с другой стороны, стремлением Запада поддержать эти элиты, просто стала неосуществимой. Ведущие теоретики модернизации, такие, как Ш.Айзенштадт, С.Хантингтон, Д.Харрисон и многие другие сегодня показали, что Запад утратил статус единственного образца развития. Есть книги о множестве глобализаций, о множестве модернизаций, о значении культуры в глобализациях и модернизациях, о национальной модели модернизации, которая пришла на смену догоняющей модели. Термин «национальная модель» употребляется здесь в смысле гражданской нации, где интересы определенного государства и определенной нации представлены как интересы гражданской общности.

Получается, что сегодня антиномия почвенников и западников утрачивает значение. Согласно национальной модели модернизма существует как открытость и высокий уровень вестернизации, так и стремление понять границы освоения чужих моделей и попытка решать собственные задачи собственными методами. Пример национальной модели модернизации – китайская модель. Я делала доклад в Китае среди специалистов, и китайские уче-

ные согласились с этим, хотя им было трудно, потому что их идеологема — «социализм с китайской спецификой», в общем-то, официальная. Им было нелегко сказать, что это национальная модель модернизации. Но они мне это сказали.

И сегодняшний пестрый мир включает западный постиндустриальный капитализм, перенесенные на Восток, в Азию центры индустриального развития, а также страны сырьевой ориентации. Запад своими информационными технологиями выполняет роль менеджера мирового капитализма. И что получается? Получается, что всюду проникает капитализм, но этот капитализм уже не может быть всецело ориентирован на западный образец. Он — свой собственный, я его называю — автохтонный, местный. Многие сразу «кидаются» на меня и говорят, ты хочешь, чтобы капитализм был автохтонный, чтобы демократия была автохтонной. Я повторяю, что это снимает как раз противоречия между почвенной и западной ориентациями. Трактовка модели модернизации как национальной модели сегодня говорит, что принцип суверенности олицетворяет, как бы второе дыхание Вестфальской системы национальных государств. Он возникает, вопреки ожиданиям, в условиях глобализации. В новых индустриальных странах Азии можно видеть принцип ограничения капитализма культурой. Многие страны используют капитализм как механизм, так, как они используют «Мерседес». Они пытаются оградить общество от его разрушающего или слишком меняющего социум развития. Китайцы на пути этого механизма поставили ценности их пятитысячелетней цивилизации, а так же политическую коммунистическую систему. В Южной Корее тоже происходит нечто подобное — играют роль конфуцианские и коллективистские ценности.

Мне кажется, термин «суверенная демократия» — это концепт, который может быть частью национальной концепции модернизации. Хотя это политический проект, идеологема, но без этих теоретических рамок остается немножко ощущение его выдуманности. Как работающий в теоретических рамках, он обретает большую ценность. Но что при этом может произойти?

Может произойти то, что мы потеряем всякое различие между демократией и недемократией, говоря, что она суверенная; между национальным капитализмом и совсем некапита-

лизмом, если мы говорим, что он автохтонный. Конечно, при распространении демократии, при распространении капитализма они обретают национальные, особенные черты, поскольку есть культурные ограничения. И сегодня таких демократий, как западная демократия, просто не существует, сегодня, когда всего несколько государств считаются недемократиями, ясно, что демократия нетождественна западной и имеет многообразие проявлений. Думается, что принципы суверенности и демократии связаны с рынком не все. Видимо необходимо сегодня фиксировать общие демократические черты, чтобы термин «демократии» не стал пустым ярлыком для любой политики. Это похоже на соотношение классической и неклассической концепций истины. Классическая концепция утверждала идеал научного познания, а неклассическая говорит, что мы действуем в определенных познавательных условиях. Но классическое остается регулятивом. Так и демократий сегодня много, но базисные принципы демократии сохраняют принцип регулятива.

В национальной модели модернизации можем увеличивать уровень вестернизации при решении проблем страны, но нельзя не видеть, что у нас свои проблемы, которые решаются собственными методами, с опорой на собственные ценности. В России, прежде всего, такие проблемы, как народонаселенческая депопуляция, наши национальные склонности к науке, территориальная целостность и т.д.

Я пыталась показать, что теоретическая работа необходима даже для развертывания идеологических и политических тезисов. Спасибо.

Н.В. Мотрошилова

НУЖНО СМЕЛЕЕ РАЗРАБАТЫВАТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОКРАТИИ

Что касается рассматриваемого документа, я сведу к минимуму комплиментарно-одобряющую часть. Скажу только, что перед нами — яркая, энергичная, зрелая заявка. Согласна, что она имеет больше идеологический, прокламационный, так сказать, характер, но в этом-то и состояла, видимо, ее цель. Мне нравится, что в ней выражено критическое отношение к прошлому и настоящему страны, проявлена осторожность в отношении будущего, но в то же время вера в будущее. Мне нравится взвешенность, направленность против всякого экстремизма, против всякого разлада, борьба за солидарность нации, за солидарность с Европой (может быть, европоцентризм несколько преувеличен), против изоляционизма, всякой спеси и, наоборот, против отчаяния, неверия в общецивилизационную судьбу и миссию России. Здесь нет спеси, нет фанфаронства. Мне очень нравится, что там есть слово «скромность»; это очень уместно. Этой скромности нам порою очень не хватает. Наконец, нравится то, о чем уже говорили мои коллеги, — ставка на интеллект. Но, к сожалению, последнее не согласуется с реальностью политики власти и реальностью нашей жизни. Как из этого противоречия выйти, я не знаю.

Теперь о проблеме суверенной демократии. Меня совершенно не пугает, не настораживает этот термин — по ряду простых причин. Как историку философии мне не раз приходилось проследивать динамику ценностей — гуманитарных, гу-

манистических, политических и т.д. И все такого рода ценности всегда развивались так, что сначала выдвигался общий и броский, яркий лозунг; потом начиналось его очень интенсивное изменение. Возьмите известный лозунг «свободы, равенства, братства». Сразу после того, как он был выдвинут, немецкая классическая философия сразу стала подвергать критике ценность равенства. Равенства нет и быть не может. Это обосновали философы. Есть только одно равенство, говорит Кант, равенство перед законом.

С тех пор, как были произнесены слова о «демократии» и демократическом строе в греческом мире (я не буду входить в дебри ни философии Платона, ни учения Аристотеля), - так вот, с тех пор, как вообще произошло оформление дискурса о демократии, все время шло и до сих пор идет уточнение принципов, ценностей демократии, ее смысла, процедур, значимость. Здесь нельзя, увы, вдаваться в детали этого процесса.

Какое именно уточнение происходит в современном мире? Я вижу в термине «суверенная демократия» лишь одно из таких довольно многочисленных уточнений. И думаю, что, по крайней мере, в трех отношениях данное уточнение вполне обоснованно. Об одном говорил здесь Эрих Юрьевич Соловьев — оно касается международного права и его формулировок. О втором уточнении говорил Теодор Ильич: о суверенной демократии не только мы говорим, о ней идет речь в немалом числе документов, исследований, в речах политиков (что можно было бы собрать и подробнее показать). А третье уточнение заключается в содержании, связанной с тем, что глобализация (права Валентина Гавриловна) повысила как раз ценность суверенности государств. Это совершенно ясная тенденция: все об этом беспокоятся, и очень часто беспокоятся именно в связи с темой демократии.

А теперь я перейду к тому, что мне кажется недостатком этого документа. Но и не только его, а вообще очень многих разговоров о демократии, как на политической арене, в практике, так и в литературе, в том числе в философской литературе.

Скажу о политической арене. Мы отбиваемся от упреков в том, что у нас в стране нет настоящей, подлинной (имеется в виду — эталонной) демократии. Я считаю, что сейчас надо го-

ворить на другом языке, нежели тот, на котором мы отбиваемся от подобных упреков. Этот требуемый язык тоже определяется антиномией. Антиномия состоит в том, что ни в какую другую эпоху не говорилось так много парадных слов о демократии, ни в какую эпоху не было так много претендентов учить демократии, причем, претенденты — это и страны, и индивиды, и группы, и институты. Никогда не говорилось так много и торжественно о всеобщности этой ценности. И так, здесь одна сторона антиномии. С другой стороны, демократия не была в таком всеобщем кризисе, как сегодня.

Я считаю (кстати, в согласии с известными авторами, на которых я ссылаюсь в ряде своих работ, и их много), что можно и нужно говорить сейчас об остром общецивилизационном кризисе демократии. Он выражается в очень многих явлениях: в выхолащивании демократических форм, так сказать в загрязнении демократии. Демократия нередко выступает даже как бранное слово, у нас, извиняюсь, распространено слово «дерьмократия» — (ведь это все не случайно). Для всего мира это характерно: как только готовятся и происходят какие-либо выборы, как только решается вопрос о власти, начинаются мощные выбросы всего черного и серого, что связано не с «чистыми» идеалами демократии, а с ее фактической реализацией. Что происходит везде, по всему миру. Фактически есть наиболее распространенные акценты демократии, которые, мне кажется, сужают понятие демократии и на практике, и в теории.

Главный акцент: демократию связывают с выборными процессами главным образом и по преимуществу. Считается, что мы демократы уже тогда, когда организовали выборы, провели их; уж как там они прошли, под чьим наблюдением, — в зависимости от этого бывают разные оценки. Правда, контроль за властью, подразумевается, со стороны гражданского общества. Но каковы институты гражданского общества, — очень большой и трудный вопрос. И, например, во всем мире правозащитная деятельность сведена к маргинальным людям, к маргинальным слоям, к заботе о тех, кто составляет меньшинство. Еще одно: все демократические выборно-властные процедуры — это процедуры очень больших, постоянно рас-

тущих денежных масс, административных ресурсов, вмешательства групп давления, черного пиара, прямого нарушения закона и т.д.

Поэтому я предлагаю такое определение именно современной демократии, заранее скажу, негативное. Современная демократия — это та социальная форма власти меньшинства индивидов и стран над большинством индивидов и стран, которая, однако, выдает себя за власть большинства. Готова это определение отстаивать.

Отсюда, кстати, тоже проистекает справедливость и необходимость уточнений, возражений и т.д., т.е. корректировки общей концепции демократии, демократических ценностей и, главное, реальных процессов и процедур демократии. Я вижу очень большой недостаток и этого документа, и литературы, посвященной демократии в том, что очень мало задействованы цивилизационная теория, цивилизационная тематика и программатика. Совершенно ясно, что у нас буксует не только демократия, но вообще любое проявление участия людей в управлении государством, в контроле за властью и т.д., что с обеих сторон, и со стороны власти, и со стороны населения наблюдается удивительное и повсеместное отсутствие цивилизационных демократических форм и привычек.

Я приведу свежий пример, который поразил меня в самое сердце. Недавно, вы знаете, была объявлена дачная амнистия. У нас что-то около 40 млн дачных участков. Сколько человек сейчас воспользовалось этой амнистией? 60 тысяч! Как дачник, который давно и безуспешно хочет оформить какой-то документ, я знаю, что это значит и в чем тут причины. Абсолютно все непробиваемо, именно для демоса, народа. Вот где должна корениться подлинная, реальная демократия, демократия, которая состоит в том, что большинство людей из народа хочет реализовать насущные свои права, и не может. Все буксует. И это относится не только к нашей стране. Здесь — общее положение, относящееся к повседневной, реальной демократии.

Вот почему, мне кажется, нужно смелее и шире разрабатывать цивилизационные аспекты демократии. Не только потому, что здесь имеет место кризис, а еще и потому, что мы в цивилизационных аспектах находим также и возможности реше-

ния современных демократических проблем. Суть общецивилизационного кризиса демократии я вижу в том, что возникшие в древности и до сих пор «эксплуатируемые» формы выборно-представительной демократии создавались для малых полисов и плохо функционируют в больших государствах современности, в условиях сложнейших социальных процессов и форм.

Почему все-таки мы не отказываемся от демократических форм? Потому что они себя исторически, цивилизационно оправдали. Но мы сегодня находимся перед серьезным историческим вызовом. Знаменитое изречение Черчилля о том, что демократия, конечно, имеет недостатки, но ничего лучшего люди пока не придумали, звучит сейчас не как оправдание, а как обвинение. Если не придумали, значит, плохо думаем — и даже не хотим думать. Нужно всем демократическим миром придумывать новые формы, процедуры демократии, которые опираются на цивилизационные механизмы и упреждают варварские механизмы, варваризирующие демократию. Например, наши новые национальные проекты должны оцениваться уже не только так, как это делалось и делается обычно (скажем, сколько было освоено денег, сколько появилось компьютеров, хотя все это хорошо, важно и правильно). Но стало ли людям этой местности жить лучше? По каким дорогам они ездят, оберегают ли их правоохранительные органы, могут ли они что-то сделать для своих детей, есть ли у них возможность реально участвовать в политической жизни — это все вопросы цивилизации и одновременно проблемы демократии, т.е. реального участия широких слоев народа в определении собственной жизни и судьбы.

Но в целом я хочу сказать: я с интересом (и тоже, как Теодор Ильич, не один раз) прочитала этот документ и, в общем, считаю его очень важным и положительным явлением. В частности, он раздвигает возможности нашего общего разговора. Это, в частности, начало диалога власти и философов, и хорошо, если это начало будет иметь какое-то продолжение. Но я, в отличие от ряда выступавших, вижу, что в этом документе и теоретические вещи приняты в расчет — там практическое прорастает из теоретической корневой системы. Это не просто чисто идеологическая заявка. Думаю, что по этому пути надо идти дальше.

Я БЫ ПРЕДПОЧЕЛ ГОВОРИТЬ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ

Мало времени, и я не буду говорить о том, что мне понравилось, а о том, что меня не убедило. Мне не очень понятен термин «суверенная демократия», хотя дело, конечно, не в терминах. Он для меня тавтологичен: я не представляю, что такое несuverенная демократия. Если демократия не суверенна, она не демократия.

Вы ссылаетесь на некоторые европейские источники, но важно понять, в каком смысле этот термин употребляется в них. Скажем, в рамках Европейского Союза, когда говорят о демократии, имеют в виду просто государство, поскольку все государства там демократические. Суверенными их называют по отношению к Европейскому Союзу, имея в виду, что этот Союз не лишает их суверенности. Так же, как мы когда-то назвали Содружество Независимых Государств, понимая под словом «независимые», что они независимы в рамках Содружества. В каком же смысле суверенна наша демократия?

Мне больше нравится другой термин: я предпочел бы говорить не о суверенной демократии, а о демократическом суверенитете. Суверенитет, как известно, может быть не только у демократических государств, царская Россия была суверенной, СССР был суверенен. Иное дело, что суверенитет не всегда отстаивается демократическими средствами. Это первое, что я хотел сказать. Очень мало времени, я не могу подробно аргументировать.

Есть еще одна важная проблема, которая, как мне кажется, в тексте пропущена. В чем-то суверенитет хорош, а в чем-то и опасен. Я сейчас объясню, в чем дело. Я этот текст воспринял как декларацию о намерениях политической элиты, которая сегодня находится у власти. Много в этих намерениях мне нравится. Люди, избранные во власть, имеют право ставить перед страной, перед народом определенные цели. Но ведь есть еще и средства, с помощью которых эти цели достигаются. Все-таки речь идет о государстве, а государство в любом случае любые цели — народосбережения, науки, борьбы с коррупцией — я не буду их здесь перечислять, будет решать средствами административными. Любое государство основывается на насилии, не обязательно силовом, но предполагающем использование административного ресурса, с помощью властных институтов. И важно понять, элита ставит перед страной не только цели, но и средства, какими они будут достигаться. Не всякие средства хороши.

И вот когда мы говорим о средствах, то здесь никакого суверенитета быть не может. Я простой пример приведу: если человек решает математическую или физическую задачу, он будет решать ее с помощью тех правил и приемов, которыми они решаются во всем мире. Нет суверенной математики, как нет и суверенного права. Цели могут быть, действительно, специфическими для страны. Скажем, мы хотим достичь какого-то превосходства в тех или иных областях, замечательно. Но правовые средства, с помощью которых мы будем решать эти задачи, должны быть едины для всего цивилизованного мира, для всех демократий.

Как бессмысленно говорить о суверенной математике, так бессмысленно говорить и о суверенном праве. У меня вызывает сомнения, есть ли у нас считающаяся с правом элита. Я, кстати, не противник бюрократии, бюрократию победить невозможно в современном обществе, это абсолютно очевидно. Но бюрократия в условиях демократии работает по легальным правилам, понятным и ясным всем, и подчиняется этим правилам сверху донизу. Я смотрю на нашу бюрократию и мне иногда кажется, что это какой-то клан. Я не понимаю, по каким законам она существует. У нас значительная часть чиновничества и, может быть, даже политиков выведена за пределы правового пространства.

Существует огромный пробел в нашем образовании. Мы сильны по части естественных наук, но в общественных науках отстаем. В математике и физике мы не говорим о суверенности, а когда речь идет о философии, о социальных или экономических науках, начинаем говорить о нашей самобытности. Извините, но наука везде наука, право везде право.

И в этом смысле мне кажется, очень хорошо ставить цели, которые нас выделяют, исходить из ценностей, которые, может быть, у нас другие, чем на Западе или в Азии, но средствами пользоваться теми, какими пользуется весь цивилизованный мир.

В.С. Стёпин

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБОСТРЕАЕТ ЦЕННОСТЬ СУВЕРЕНИТЕТА

Я сделаю несколько замечаний. Мне кажется, что само понятие суверенной демократии для современного мира и для современных ситуаций политической жизни удачное. Я думаю, в этом понятии есть несколько пластов смыслов. Мы в предыдущих выступлениях выясняли те смыслы, которые связаны с глобализацией и с международными отношениями. Совершенно очевидно, глобализация требует рассматривать различные государства и общества не просто как конгломерат, а как некоторую систему. Значит, должны складываться системные качества, обеспечивающие целостность системы. И эти качества, в том числе, предполагают формирование некоторых общих базисных ценностей.

Сегодня ценность демократии предлагается в качестве одной из базисных ценностей глобализирующегося сообщества. Но далее возникает вопрос, как понимается демократия? Говорят, что совершенным образцом является американская демократия и реформирующиеся общества должны ориентироваться на этот образец. Одновременно и неявно предлагаются включить в этот образец ряд особенностей современных западных демократических обществ, особенностей связанных с идеалами потребительского общества и его массовой культурой. Во второй половине XX века идеологи Запада говорили: делайте так, как мы, возьмите на вооружение нашу демократию и будете жить, как мы.

И вот здесь возникла, конечно же, большая ложь. Концепция «золотого миллиарда» это прояснила. В ней содержалась новая формула: делайте как мы, а вот жить вы будете вряд ли как мы, потому что хватит ресурсов только на «золотой миллиард», и в планетарном глобализирующемся мире будут пояса различного уровня обеспечения, а в какой вы пояс попадете, это никто заранее не гарантирует. Скорее всего, если мы будем сырьедобывающей страной, во что нас очень хотят превратить, то мы не будем богатыми никогда. Есть расчеты, что если сырьедобывающее производство дает, допустим, 1 доллар прибыли на некоторую единицу продукции, то обработка этого сырья — 10 долларов, а технологии, ноу-хау, которые могут быть использованы при обработке этого сырья и проданы на рынке технологий, еще увеличивает прибыль в 10 раз.

Это значит, ориентация только на сырьедобывающие отрасли просто будет автоматически делать страну бедной. Следует также учитывать, что сырьедобывающие экономики — это экологически грязные производства, и чем дальше, тем будут острее требоваться меры экологической защиты. Мировое общество будет предъявлять претензии к странам, которое загрязняют среду, и снова будет их обеднение, ибо огромные затраты на природоохранные мероприятия придется нести именно отдельно взятым странам.

Такова ситуация нынешнего глобализирующегося сообщества, и она остро ставит вопрос о ценности суверенитета. Конечно, какой-то частью суверенитета придется поступиться, раз вы входите в глобализирующееся сообщество, это неизбежно. Но какой частью суверенитета и как, и будет ли это паритетная игра? Либо вы, наши партнеры по глобализации, отдаете часть суверенитета и мы такую же, и давайте договариваться о совместных действиях, либо это будет одностороннее давление, связанное с трансплантацией политических идей и современных западных ценностей, включая ценности массовой культуры. Идеалы общества потребления и массовая культура могут создавать некоторую относительно устойчивую благополучную среду более-менее аполитизированных людей, но для этого нужен определенный уровень богатства. Концепция суверенной демократии проблематизирует современную стратегию глобализации, предлагаемую США и их союзниками. Это мое первое замечание.

Теперь второе, оно касается проблемы ценностей демократии с учетом перспектив ее развития. Сегодня уже просматривается сложная проблема функционирования демократии в условиях информационного общества, которое обладает мощнейшими средствами воздействия на сознание людей и открывает колоссальные возможности для манипуляции сознанием, возможности, которых раньше вообще не было. Если демократия предполагает усиление манипуляций сознанием, то в какой мере это демократия? Это проблема, которую нужно очень внимательно анализировать и обсуждать. Какие здесь возможны защитные механизмы. Предполагает ли это усиление контроля за средствами массовой информации, электронными СМИ со стороны общественности, со стороны гражданского общества. Но тогда возникают новые вопросы? Ведь свободная пресса — это один из краеугольных камней демократии, и общественный контроль за СМИ часто интерпретируется сторонниками свободы СМИ как нарушение демократии. Это — проблемная ситуация, порожденная современным бытием современного информационного общества, и она будет обостряться.

Далее. Относительно проблематики суверенной демократии, есть еще один аспект, очень важный, не связанный с глобализацией и с международными отношениями, это — внутренний аспект жизни России. Сегодня совершенно ясно, что как только мы стали копировать нормы западной демократии в условиях перестройки и в последующий период ранней демократии ельцинской эпохи, когда был провозглашен лозунг, «берите суверенитета, сколько хотите», то это неизбежно приводило к катастрофическому ослаблению Российского государства, утрате его суверенитета. Исторически так складывалось, (я это всегда подчеркиваю), что многие народы добровольно входили в Россию при условии, что они будут жить не столько по нашим законам, сколько по своим обычаям. То есть неукоснительное выполнение законов государства во всех его регионах всегда было затруднено. Национальные обычаи и нравы играли огромную роль в жизни каждого народа, их солидарной жизни в рамках российского государства. Сильная государственность была условием сохранения этих народов и их совместной жизни. Но ослабление государственной власти породило уси-

ление местного сепаратизма, и ткань единого государства начинала распадаться. Крушение тоталитарного государства приводило к становлению маленьких тоталитарных режимов, которые начали возникать на уровне районов, губерний и т.д.

Поэтому я поддерживал решение Президента об отмене прямых выборов губернаторов. Это мнение я высказывал публично, хотя, вы знаете, что я человек, не очень склонный к похвалам, но я говорил, что это сделано правильно. Правильно, потому что возникла ситуация безответственного поведения некоторых народных избранников, осуществляющих власть на местах. Известны случаи нецелевой растраты средств, отпущенных на коммунальное хозяйство, когда результатом были замороженные города и поселки. А это уже был сигнал утраты государственного существования.

В этом смысле понятие суверенной демократии для России, в общем-то, будет означать еще и интенцию на укрепление государственной власти, а для этого нужно, конечно же, чтобы законы, указы и предписания власти выполнялись, а кто их не выполняет, тех надо наказывать. К сожалению, у нас пока с контролем за исполнением законодательных актов не все обстоит благополучно. Я знаю случаи, когда саботируются даже Президентские Указы на уровне чиновничества среднего ранга, и ничего с этими чиновниками не случается. Но тут нужно власть употребить, и это уже дело высоких властных структур, которым народ доверил управление обществом.

И, наконец, последнее замечание, которое возвращает к проблемам новой целостности глобализующегося мира. Сегодня обустривать экономическую и социально-политическую сферу общественной жизни России как подобию современному Западу и как слепое заимствование всех западных ценностей, достаточно опасно. Мировая цивилизация переживает такой этап развития, когда многие ценности техногенной культуры будут изменены, и полагать, что сохранение этих ценностей обеспечит устойчивое развитие хотя бы на 30–40 лет вперед, никаких оснований для этого нет. Поэтому очень важна работа по совмещению цивилизационных достижений Запада со своими культурными традициями.

С.А. Никольский

СВОБОДУ НЕЛЬЗЯ ДАРОВАТЬ

Мне очень импонирует в целом пафос статьи, направленный в сторону Европы, ориентированный на европейские ценности, о которых здесь говорили. Такая ориентация предполагает, безусловно, сильное государство, но, вместе с тем, и сильное гражданское общество. Поскольку времени мало, я буду говорить больше о своих ощущениях и оценках, не всегда прибегая к аргументации. Прошу прощения.

Мне кажется, что гражданское общество может и всегда формируется исключительно в диалоге и в конкуренции с государством, а главными средствами борьбы гражданского общества являются независимые средства массовой информации и правовая система. В этом же тексте слово «право» употребляется только на одной странице один раз. Там есть утверждение: «демократия справилась с правовой разрухой». Мне очень сомнительно, что, во-первых, она с этим справилась, а во-вторых, мне кажется, что это не ее забота, потому что, вообще-то, я не очень представляю себе, как, например, представительный орган или институт гражданского общества входит в кабинет к прокурору и заставляет следить за соблюдением закона либо исполнять что-то.

Таким образом, поскольку в этом тексте не очень явно сделан акцент на правовой системе, то я предполагаю, что одна из идей автора заключается в том, что само государство должно создать гражданское общество. Вот если это, действительно,

так, то я могу сказать, что так не бывает. Свободу, как основной атрибут гражданского общества, нельзя даровать или сделать национальным проектом. Даже национальный проект по сельскому хозяйству проваливается. Свобода самими гражданами берется, и вся мудрость государства заключается в том, чтобы найти средство взаимодействия с гражданским обществом, чтобы помочь ему расти настолько, насколько это возможно, но не стимулируя его каким-то искусственным образом.

Часто в разговорах можно слышать, что да, не хватает активности гражданскому обществу, демократические институты не растут. Но если создается ситуация, когда явно нарушаются какие-то законодательные нормы и это сходит с рук, тогда, извините, я, как гражданин, отношу это в минус государству. Без государства такое действие невозможно.

Конкретный пример из недавней истории — выборы рязанского губернатора Шпака, когда он получил деньги от предпринимательницы, обещал ее сделать вице-губернатором и не сделал. А судебная система приняла решение, что все чисто и выборы признаны легитимными. Извините, я это отношу как минус государству, которое в данном случае потворствует явному подлогу. И в этой ситуации гражданское общество должно конкурировать с государством? С чем же? С чиновной административной системой, с репрессивными органами, с рязанским прапорщиком из ОМОНа? В конечном счете, к этому делу сводится. В такой ситуации гражданское общество не возникает и, в принципе, возникнуть не может.

Еще один тезис. Может ли Россия расти не через силу? Очень интересный тезис и я очень рад, что эта мысль в тексте прозвучала. Но здесь в качестве аргумента приводится следующее: «страна крупнейшие социально-экономические достижения обрела в периоды деспотического реформирования». Я хотел бы спросить, какие именно крупнейшие социально-экономические достижения? Не будем говорить о прорубании окна в Европу. Не подыдем мы исторические материалы, и не узнаем — чего, сколько, что стоило. А вот в отношении сталинской индустриализации и коллективизации историки провели конкретные расчеты. Вывод таков: если бы экономика России развивалась так, как она развивалась до 1928 г., до первой пя-

тилетки, то результаты и в промышленности, и в сельском хозяйстве были бы в полтора-два раза выше, чем в условиях мобилизационной политики. Про сельское хозяйство вообще говорить нечего, потому что оно было восстановлено только к началу 50-х годов.

Да. Такие результаты получили ученые Института истории Российской академии наук, специалисты группы Виктора Петровича Данилова, к сожалению, ныне покойного.

В статье этот тезис подан очень интересно. Согласно ему оказывается, что когда людей заставляют что-то делать, то получается хорошо, и, тем самым, косвенно, оправдывается исторический тезис о том, что якобы труд раба более эффективен, чем труд свободного человека. На самом деле так не бывает. В XX веке, когда у нас были периоды относительно свободного развития, мы получали действительно выдающиеся результаты. Это, например, периоды столыпинской реформы (при жизни Столыпина) и период нэпа. Так вот, столыпинская реформа закончилась тем, что наш объем сельхозпроизводства вырос на 30% и за этот период в значительной мере была создана самая сильная кооперативная система в мире. Именно кооперация стала главным врагом Ленина, именно ее он стремился разрушить. А НЭП — передышка, которую крестьянство, поборов большевистское государство в тот период, себе завоевало, за 6 лет дала двукратный прирост объемов сельскохозяйственного производства. Оба эти выдающиеся результаты были достигнуты в условиях свободного общества. Вот что такое свободный труд, вот что такое самоорганизация, когда есть для этого предпосылки и возможности, когда государство не конструирует свободное общество, а не мешает ему становиться таковым.

И, наконец, еще один тезис, на этом я завершаю, поскольку времени мало. Читаем в тексте: «величайшие русские политические проекты, такие как Третий Рим и Третий Интернационал были обращены к людям других народов и открыты для них. Критически анализируя прошлое, признавая ошибки и провалы, мы вправе и будем гордиться всем лучшим, что унаследовано от Империи и Союза». Не буду поднимать историю с Третьим Римом. Возьмем Третий Интернационал, июль

1918 года. Организация создана с единственной целью — экспорта революции в Европу и, если возможно, дальше. Позвольте тезис из Бухарина, главного теоретика большевиков: «Мы могли бы помочь западным товарищам сырьем, при том условии, что вся Европа переходит под власть пролетариата». Каким же образом мыслилось существование России в этой новой социалистической европейской стране? «Если бы революция на Западе заставила себя долго ждать, такое положение могло бы привести к агрессивной социалистической войне России с капиталистическим Западом, при поддержке европейского пролетариата. В результате возникла бы федерация советских республик Европы, с единым плановым хозяйством. Промышленность Германии соединилась бы с русским земледелием, Советская Россия, перегнавшая до этого Европу в политической области, теперь скромно заняла бы свое место экономически отсталой страны, позади передовых индустриальных стран пролетарской диктатуры». Автор, еще один теоретик большевистской партии, член Политбюро, г-н Преображенский.

В таком духе предлагать идею Третьего Интернационала как вещь, которую мы должны воспринимать и в определенном смысле находить там нечто ценное для современности, я не готов.

К сожалению, времени больше нет, я на этом закончу.

А.В. Рубцов

НАМ НЕ ХВАТАЕТ СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ ПОВСЕДНЕВНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Прежде всего, я хотел бы подчеркнуть, что с точки зрения формата у нас есть разные возможности обсуждения этой темы.

Можно говорить в режиме прямой идеологической полемики. Это примерно то, что обычно и происходит. Есть текст, есть некоторое содержание. У нас есть свои собственные мысли по поводу этого содержания, которые мы сейчас и выскажем. Мы можем поддержать предложенные идеологемы или, наоборот, оспорить их, или предложить и вовсе какое-то другое решение. Околонаучные споры часто выливаются фактически в разговор идеолога с идеологом — что называется, «как художник художнику». Это в лучшем случае. А часто, даже если аргументы выглядят вполне научными,стораживает, что теоретические оценки в таких дискуссиях как-то слишком коррелируют с политическими или даже административными позициями дискутирующих.

Но у нас также есть возможность *метаидеологического* анализа, который, в частности, занимается тем, что с такого рода текстами происходит в жизни, в обществе. К идеологическому тексту и надо относиться как к идеологическому — это не научная статья. Полемика специалистов естественна, но она так и останется полемикой специалистов. Орнитология наука, но орнитологи не летают.

Аналитик отличается от идеолога прежде всего интересом к тому факту, что идеологический текст работает (должен работать) в других, в разных социальных пространствах. Реальная жизнь идеологического текста происходит за стенами не только того заведения, которое отсюда видно из окна, но и за стенами здания, в котором мы сейчас находимся и все это обсуждаем. А там он работает по другим закономерностям, по другой логике. Более того, и сама дискуссия специалистов по поводу идеологического текста обычно в какой-то момент начинает подчиняться логике обычного восприятия. Если текст идеологический, важно не столько, что написано, но, прежде всего, как это написанное живет, воспринимается и воспроизводится. Это отдельный жанр разговора, отдельное направление анализа, для которого философская площадка подходит, а, наверное, даже оптимальна. А в действительности с такого рода текстами в реальном их восприятии и воспроизводстве происходят очень интересные вещи, и этими их приключениями надо специально заниматься.

Естественно, я сейчас могу только контурно обозначить, что здесь происходит.

Когда мы имеем дело с такими заряженными концептами, как «суверенная демократия» (а ясно, что это заряженный термин — уже самим положением источника), то такого рода концепты очень быстро отчуждаются от исходного текста и начинают жить совершенно самостоятельной жизнью. Что там написано в этой статье, в какой-то момент оказывается вообще десятым делом. Остаются буквально два слова — даже не весь заголовок. И реакция идет в основном на эти два слова, а не на текст. Поэтому даже среди людей в целом примерно одной политической и идеологической ориентации могут возникать разные или даже противоположные оценки. Один авторитетный специалист утверждает, что «суверенная демократия» — это ровно то, что записано в Конституции: у нас государство именно суверенное и именно демократическое, все нормально. Но тут же возникает не менее авторитетный оппонент, который говорит: нет, на самом деле, демократия — это настолько фундаментальное понятие, что никакие эпитеты, никакие определения ей не нужны. Всякое определение ограничивает, сужает, а это

сразу вызывает подозрения, насколько вообще полноценна эта демократия. И возникает множество опасений, что эпитет перевесит сам ключевой термин и «суверенное» задавит «демократию».

Потом оказывается, что мы имеем дело с таким очень интересным процессом, как *дробление и растаскивание смыслов*. Объемность концепции быстро исчезает, и мы видим, как в разных точках воспроизводства исходного смысла отбираются его отдельные грани, а все остальное выпадает в осадок.

Например: «суверенная демократия» это демократия в стране, которая решает задачу обеспечения суверенитета государства на своей территории, побеждает сепаратизм и т.д. И тогда главные акценты сводятся к тому, что удалось предотвратить развал страны и выйти на траекторию ее дальнейшей консолидации. Далее эта тема развивается как последовательное сплочение державы, даже прибирание того, что отпало и т.д. Это целое отдельное направление: начиная со спасения от развала, через сильную централизацию и далее, вплоть до энтузиастов восстановления и даже наращивания империи.

Либо несколько иной вариант: «суверенная демократия» это демократия в стране, которая обеспечивает свой суверенитет на международной арене, обеспечивает свою конкурентоспособность, заново встраивается в мировой порядок, который сам в это время интенсивно изменяется. Тогда и в самом деле получается, что суверенитет это фактически синоним конкурентоспособности. Неконкурентоспособный суверенитет — это автаркия. Что вряд ли проходит в условиях глобализации, как бы к ней ни относиться.

Либо другой акцент: «суверенная демократия» — это демократия, которую мы строим сами и просим традиционные, классические западные демократии не беспокоиться: мы сами построим, а вы сюда со своими деньгами и советами не ходите. Обосновывается это так: демократии с особенностями были всегда и есть везде, они все с особенностями. И у нас есть особенности, которые нам лучше знать и в плане того, что должно получиться, и в том, какими темпами и какими путями мы к этому намерены идти. Это в основном против экспорта в Россию «цветных» революций — оранже-

вых, розовых и т.д. А поскольку в такие сценарии в их крайних вариантах мало кто верит, это в основном против внешнего влияния на внутреннюю политику.

В том, что с такими текстами и их исходными смыслами потом происходит, есть очень много интересного, а, возможно, и определяющего. Когда мы говорим об этих приключениях смысла, мы здесь выходим на фундаментальные закономерности, которые очень важны для понимания самой сути отношений в идеологической системе. Я только один такой эффект обозначу, это то, что называется «интеграция через непонимание».

Феноменологическая социология ставила вопрос так: общество интегрируется за счет того, что люди как-то друг друга все же понимают. И нам надо понять, как они это делают, то есть, как устроено и работает понимание (прежде всего в социальном аспекте). Но в жизни бывает и по-другому, а то и вовсе наоборот. Бывает, что люди не вполне понимают друг друга — и, слава богу, они еще как-то вместе живут. Не дай бог, поймут друг друга до конца — вовсе передерутся. В идеологии это сплошь и рядом бывает. Советская идеология имела несколько разные упаковки для разных зон социального пространства, но даже в одной упаковке она в разных точках социального пространства воспроизводилась по-разному. И это интегрировало или, как минимум, смягчало напряжение. Такая своего рода *негативная герменевтика*.

То же самое происходит не только в социальном пространстве, но и в политическом и даже в историческом времени. На протяжении истории Советской России и СССР марксизм-ленинизм примерно в одной и той же упаковке был в разные времена, по сути дела, достаточно разной идеологией. Корпус канонических текстов как-то корректировался, то прореживанием, то, наоборот, добавлениями (точнее, возвращениями), но главное было все же в интерпретациях, в толковании. За это время на Западе сменился целый ряд философских парадигм, но у нас политическая кривая, кстати, весьма извилистая, обеспечивалась одной и той же философической доктриной. Это была достаточно устойчивая конструкция, поскольку в реальности она вовсе не была столь жесткой, как принято считать. У нас боролись с догматизмом — а при этом толковали канони-

ческие тексты вполне конъюнктурно, порой просто как бог на душу положит. Точно так же у нас боролись с бесчеловечной бюрократией, тогда как главная проблема этой самой бюрократии была, наоборот, в том, что в ней было (и осталось!) много «слишком человеческого». Постоянно и очень старательно создавалась иллюзия *власти текста*, тогда как реально работала *власть над текстом*.

Когда мы имеем дело с идеологией, здесь есть возможность, с одной стороны, вычитывания разных смыслов из этих текстов, а с другой — «вчитывания» (если воспользоваться термином Мандельштама). То есть привнесения других, новых смыслов, которые, возможно, в авторском тексте и не имелись в виду. Это вот вчитывание, на самом деле, очень хороший критерий для оценки устойчивости такого рода конструкций. Если вчитывание получается, текст имеет шанс оказаться жизнеспособным. А нет — так нет. Сам запал таких слов, как «суверенная демократия», а тем более их ситуационный статус таковы, что ты должен иметь что-то вроде такого разводного ключа, который любую гайку должен отвинчивать. Это, действительно, критерий.

Поэтому, если дальше работать с такого рода текстами, может быть, даже не надо их на той же сюжетной площадке так детально обсуждать, углублять и развивать, а надо идти куда-то в сторону, совершенно наобум, и проверять, как он будет осаживаться на реальные, сугубо практические проблемы. В конце концов, марксизм тоже закончился тем, что землю — крестьянам, воду — матросам и т.д. А пока пространство реальных проблем освоено крайне неравномерно, есть и вовсе пустоты.

В дискуссии и в тех интерпретациях «суверенной демократии», о которых я говорил, речь все время идет о суверенитете страны, государства, власти. В принципе, что бы там ни говорили, это не особенно отличается по подходу от того известного западного политика, который говорил о «суверенных демократиях» просто как о независимых государствах. И это не противоречит духу той вековой нашей традиции, которая основные приоритеты относит к государству и власти, а такие категории, как человек, лицо, гражданин, народ и т.д. держит на втором плане, если вообще имеет в виду. У нас и теперь очень подробно, во всех деталях и с самых разных сторон говорят о том, что

такое суверенитет страны и как он может и должен быть обеспечен. А о том, что демократия высший суверенитет признает за народом как высшим источником власти — об этом если и говорится, то в двух словах, на уровне лапидарных формул из Конституции. Если же и говорится о суверенном народовластии, то исключительно на уровне политических свобод, особенно востребованных примерно раз в четыре года, перед очередными выборами. И дело, таким образом, в основном сводится к выяснению прав тех или иных претендентов на выражение интересов народа свободно бороться за это право, то есть выступать по телевизору, печататься в прессе, проходить в органы представительной власти и т.д. Кстати, у нас и с либерализмом есть серьезные электоральные проблемы в том числе и потому, что либералы в основном агитируют за права либералов, а не граждан.

То же проявляется и в наших разговорах о власти. Чаще всего все сводится к высшим эшелонам: президент, парламент, правительство, партии... Это тоже уровень выборов, контроля со стороны общества над этими структурами. А уровнями ниже, то есть во всей толще властных отношений, проблем демократии, народовластия, суверенитета источника власти — как бы и вовсе не существует. То, что периодически — и все же достаточно редко — граждане изъявляют свою высшую волю, заполняя бюллетени, никак не гарантирует им защиты от произвола власти на низовых уровнях, в повседневных контактах. Наша демократия, в той мере, в какой она у нас вообще существует, порой производит впечатление суверенной в том смысле, что у нее свои проблемы, а отношения власти на уровне повседневных контактов ее не касаются. Это, кстати, к вопросу о *прямом народовластии*. Дело не в том, чтобы кухарки между делом управляли государством, а в том чтобы гражданин был для начала защищен от произвола властей и их представителей в своих повседневных правах. Можно ли избирать президента на четыре срока и еще на четырнадцать лет, можно ли голосовать «против всех», могут ли быть кандидаты независимые, не от партий — это проблемы демократии, гражданских прав. А вот то, что во взаимоотношениях со средней и низовой бюрократией граждане регулярно и неотвратимо терпят произвол, унижения и несправие, считается, что это что-то бытовое и неполитическое.

Даже с методологической точки зрения такой подход сейчас выглядит как-то не очень современным, особенно после того, как уже ставшие классикой исследования внедрились в микрофизику власти, структуры повседневности и т.д. Все это какое-то до-броделевское и до-фукианское.

Но тут есть проблемы для нас куда более животрепещущие. Повседневные административные репрессии на среднем и низовом уровне подрывают экономику. Они разрушают экономическую среду. Множественные регуляторы, контролеры, монопольные поставщики навязываемых государством публичных «услуг» — все это ставит средний, а в особенности малый бизнес на грань выживания. Многие не идут в бизнес только потому, что не считают для себя возможным вступать в неформальные взаимоотношения с представителями власти, но при этом знают, что без этого здесь нельзя. Экономика теряет человеческое качество, не говоря о количестве.

Вообще-то все это примерно знают, но это не считается принципиально важным. Как политику считают на уровне президента, парламента и основных партий, не ниже, так и экономику берут либо в сырьевом макробизнесе, либо в прорывных инновационных проектах. Рутинная и «мелочная» работа мало кого интересуют. Причем это не ошибка, а скорее архетип. У нас страна будет диким захолустьем, зато в ней будет окно в Европу. Мы будем летать в космос, но не будем пускать иностранцев за сорок километров от Москвы, чтобы не видели, как живет страна. Мы теперь опять всех удивим нанотехнологиями и... тем, что приличный унитаз сделать не можем, он у нас опасней наших же автомобилей.

Все это логика демонстрации: «Мы покажем!». Именно «покажем». То, что и демократия, и экономика начинаются снизу, это в данную логику не укладывается. Как и то, что вне этой рутинной, обыденной среды все остальное зависит. Не может быть свободным человек, даже если он может как угодно смело высказываться по поводу президента, но при этом ничего не может сделать, когда его обхамит подавальщица в последней забегаловке или какой-нибудь мелкий чиновник. Точно также не может быть серьезных, системных инновационных прорывов, если в стране нет общей технологической, производствен-

ной культуры. Кое-что мы сделаем для «выставки», может быть, даже всех опять удивим. А освоить это не сможем — и сами же опять сработаем на свое же технологическое отставание, даже его нарастим, потому что те, у кого технологическая культура есть, все это прекрасно освоят, как это всегда и бывало.

Я бы сказал, что нам сейчас крайне не хватает *суверенной демократии повседневного пользования*. История мобилизационных рывков кончилась. Сверкающими протезами ничего теперь не сделаешь — надо приводить в порядок сам организм. А для этого суверенитет страны в мире и государства на своей территории должен быть дополнен суверенитетом граждан в их повседневных, «рабочих» отношениях с властью. Без этого и все остальные суверенитеты будут шаткими, основанными на внешних факторах, таких как цены на нефть.

Все это становится особенно выпуклым, если мы начинаем отдельно разбираться в идеологических жанрах. Идеология, даже стратегия, доктрина, курс и т.д. — все это достаточно обычные явления идеологического. Но когда идеология выходит на уровень реальных комплексных изменений фундаментального свойства, причем интенсивных и по времени достаточно определенных, это уже приближается к формату очередного *мегапроекта*. Мегапроект, если он делается нормально, это уже не стихи, а жесткая, иногда жестокая проза. Нам надо избавляться от беспрецедентной и крайне опасной зависимости от экспорта углеводородов. При этом предполагается, что в ситуации обрушения сырьевой экономики страну спасет экономика инновационная. Как идеологическая схема — это один разговор. Но в формате мегапроекта все становится намного конкретнее. Через какое время можно получить отдачу от запуска инновационных проектов, ориентированных на высокие технологии и наукоемкие производства? Реально ли запустить в достаточном объеме «экономику знания» к моменту, когда сырьевая экономика начнет давать первые серьезные сбои? Может ли вообще «экономика знания» в наших условиях в достаточной мере компенсировать потери от резкого снижения доходов от сырьевых продаж? Можно ли запустить в нормальном режиме высокотехнологичные и наукоемкие производства, если в стране будет вымирать производство обычное, массовое, если экспорт

сырья будет наращивать импорт всего остального? Мы как раз сейчас с Сергеем Богословским дорабатываем книгу, специально посвященную формату мегапроекта. Тут все гораздо более жестко. Мегапроект это своего рода идеология, но с калькулятором. Сколько времени у нас осталось на то, чтобы подготовиться к снижению, если не обвалу цен на энергоносители? Какой глубины изменения для этого необходимы и с какой скоростью их надо проводить, чтобы опять и уже в который раз не оказаться в ситуации, когда перезревшие реформы опоздали?

Причем оказывается, что ситуация вынуждает нас почти в оперативном режиме решать задачи исторического масштаба. То есть решать задачи, которые не решались веками. Ломать традицию, у истоков которой были лен и пенька, а теперь углеводороды.

При этом сопротивление всем этим процессам есть и будет очень сильным а, главное, системным. Сырьевая экономика порождает распределительное государство со всеми его обычными атрибутами — разрастающейся бюрократией, коррупцией, зарослями административных барьеров, на которых делается околосекторный бизнес. Административный прессинг более или менее выдерживают сырьевые отрасли, но реальное производство в этом плане критично, оно если и выживает в таких условиях, то на грани. Но бизнес на административных барьерах вполне эгоистичен. Ради не самого большого гешефта он готов блокировать назревшие реформы, если они затрагивают эти интересы.

Отсюда проистекает ведомственный сепаратизм. Это, кстати, еще одно «расширяющее» упражнение в рамках суверенной демократии. Если взять самый простой смысл, суверенная демократия — это демократия в стране, которая устанавливает суверенитет на своей территории. Вот, разобрались с радикальным сепаратизмом, с регионами, выстроили вертикаль федерализма, зафиксировали это.

Теперь давайте посмотрим, что у нас происходит в системе исполнительной власти, в этой вертикали. Ведомственный сепаратизм здесь порой слишком напоминает сепаратизм региональный. Тут есть своя отдельная экономика, эксплуатирующая отношения власти, но во многом независимая от эконо-

мики государства. Тут периодически принимаются нормативные акты, которые противоречат федеральным законам. Это как раз то, что было в регионах, с чем, собственно, и пытались бороться, что с трудом победили, заставив все привести в соответствие с Конституцией. Когда назревают реформы, затрагивающие эти интересы, выясняется, что тут есть свои стратегии, свои политические программы, там есть свои медиа, там есть возможность незаметно манипулировать со стороны низовой, средней бюрократии высокими чиновниками, и потом через них манипулировать и законодательной властью. Какой суверенитет государства на этой территории, какая там демократия?! Это просто Майдан независимости, с которым надо точно так же разбираться. Это задача вполне сомасштабная тому, что происходило, когда между центром и регионами выстраивались нормальные отношения.

Все это лишний раз говорит о том, что в конце концов будет не так важно, какие именно слова были выбраны в качестве «имени собственного» и насколько они были корректны с точки зрения политологии, теории государства и права. Бывают ситуации, когда жизнь идет сама по себе, а идеология лишь обосновывает и украшает то, что и так происходит. Но бывают ситуации, когда нужно что-то решительно делать, и тут уже не до концептуальных красот и изысков. Тут от идеологии нужна жесткая прагматика. И самокритика. Если страна ставит перед собой эпохальные задачи, надо не просто их ставить, но еще и анализировать, почему раньше эти задачи не решались, а похожие проекты иногда и вовсе проваливались. Причем проваливались не только из-за управленческих, технологических ошибок, но и из-за инерций сознания, из-за господства старых стереотипов. А это как раз задачи для философии, по крайней мере, в постсовременном ее понимании.

И.К. Пантин

ПРЕОДОЛЕТЬ РАСКОЛ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Предложенный нам на обсуждение текст представляет собой попытку обрисовать содержание и конфигурацию политического проекта под названием «Суверенная демократия». И если автор текста отдает себе отчет в том, что характеризует именно проект демократического развития России, а не наличную ситуацию, как она сложилась после 1991 г., то понятие «суверенная демократия» имеет законное право на существование и разработку наряду с понятиями: «шумпетерианская демократия» (Й.Шумпетер), демократия массового участия (К.Пэйтмэн), «общественная демократия» (А.Лейпхарт), либеральная демократия, социальная демократия, делегативная демократия (Г. О’Донелл) и т.д. В этом смысле возражения, вроде того, которое сформулировал, находясь в Эстонии, заместитель государственного секретаря США: «демократия либо есть, либо ее нет, дополнительных определений не требует» бьет мимо цели. Как известно и формы демократии различаются при переходе от одной эпохи к другой, от одной страны к другой, от одного сектора политической жизни к другому. Да и генезис демократии каждый раз свой особенный, не похожий на то, как демократия возникла в других странах.

Поскольку проект «суверенной демократии» ориентирован на осмысление специфических особенностей российской демократии, постольку он создает теоретическую конструкцию, которая может, наряду с другими, направлять исследователь-

скую деятельность по выявлению путей демократического строительства. Скажу определеннее: проект такого рода необходим, когда демократическая теория начинает улечиваться, сужается поле демократической практики. Не следует только чрезмерно торопиться и уверять, как это делает Л.Поляков в «Российской газете» (от 06.09.2006 г.), что в понятии «суверенная демократия», «заложен очень серьезный теоретический потенциал, без выявления которого ни политико-идеологические конструкции, ни политические акции (!) не будут давать необходимого эффекта».

В принципе я согласен с замыслом автора «суверенной демократии». Демократия в России представляет собой нечто большее, чем простое перенимание политического опыта западных народов. Дело заключается не только в том, что мы россияне не можем воспроизвести их исторический путь. Изменились условия порождения демократии, изменились и проблемы, которые российское общество должно решить, чтобы продвигаться вперед. Вообще существование России, не только такой, какова она есть, *но и какой ей быть* — это мир своеобразия, специфики, различий (в том числе политических), не нивелируемых воздействием других, даже самых передовых стран. В этом смысле идея суверенной демократии важна и своевременна.

Автор текста отмечает, что суверенная демократия — это его изобретение, ссылаясь на У.Кристофера и Р.Проди. Равным образом можно утверждать, что далеко не все демократии являются суверенными. Но тут появляется опасность, которая подстерегает автора. Суверенная демократия — это термин одинаково применимый к демократиям Великобритании, США, Франции и т.д. Но тем самым специфические черты российской демократии, пусть даже в качестве политического проекта, не передаются. Плодотворный замысел увязает в слишком общем термине. Я отдаю себе отчет в том, что критиковать в данном случае гораздо легче, чем предложить другой, более подходящий термин. Но расхождение между замыслом и термином все-таки существует и об этом, на мой взгляд, следует поразмышлять.

В этом тексте названы ряд проблем, которые характеризуют «суверенную демократию» в условиях России. Это и «гражданская солидарность», как сила «предупреждающая граждан-

ские и военные столкновения», и борьба «с массовой бедностью» и воссоздание «творческого сословия свободных людей», и «производство смыслов и образов», позволяющих ментально воссоединить нацию, «собранную пока условно административно, на скорую (пусть и сильную) руку, и значение образования и науки, как источников конкурентоспособности и т.д., и т.п. Ряд направлений (например, огромная роль образования) выписан очень четко и, что особенно важно, в современной формулировке.

И все-таки лично меня этот перечень не во всем устраивает. Думается, что у автора оказалась невыписанной, неотрефлексированной важнейшая проблема демократии в России — *конфликт между правостроительством и народоправством*, вошедшей в историческое развитие нашей страны в виде творческого начала движения и глубинного источника разрывов и напряжений. Петр I не просто прорубил «окно в Европу», он задал своеобразную матрицу прогрессивного движения. С Петра начинается специфический российский способ «европеизации» страны, когда власть, ломая прежний уклад жизни населения «искусственно» *насаждает* новые, сообразные с Западом нормы отношений в обществе и экономике. Развитие страны тем самым вырывается из сферы самодеятельности общества и противопоставляется ему в качестве предметов правительственной деятельности. Менялись «формации», системы, режимы, административно-принудительный характер модернизации страны оставался тем же. В результате огромная масса людей фактически находилась (и находится) вне политики, образуя не народ, а население, где государство, в отсутствие гражданского общества, являет собой некий «*социум власти*» (М.Гёфтер), стягивающий к себе огромную сумму интересов и лиц, управляющий страной с помощью бюрократического механизма. Вот почему демократия в России, как бы ее ни определять, обязана разрешить роковую проблему — раскол общества и государства, отделенных друг от друга и одновременно «дополняющих» друг друга.

Учитывая сказанное, становится ясным, почему наличие представительных институтов власти на общенациональном уровне не является достаточным условием демократии в России. Для массового участия людей в политической жизни, а вернее, для подготовки людей к такому участию, требуется не-

что другое — *обучение* в широком смысле этого слова, *социальная* подготовка граждан в близких для них сферах, позволяющих сформировать индивидуальную позицию и психологические качества. Если эту проблему опустить, говоря о проекте будущего российской демократии, то он окажется, мягко говоря, неполным, ущербным. В России уже сформировались слои, способные и обсуждать проблемы, скажем проблемы школьного образования и давать дельные рекомендации по их разрешению. Но гражданская инициатива встречает бешеное сопротивление чиновничьего аппарата, который ничего не желает отдавать на усмотрение рядовых граждан — участие народа в делах власти означает для него поправление «устоев», нападение на «порядок». И вот решение о ЕГЭ (едином государственном экзамене) сначала *принимается*, а затем уже *обсуждается*. Естественно, что сопротивление учителей средней школы и преподавателей ВУЗов не берется во внимание — ведь ЕГЭ уже стал обязательной практикой.

Демократический процесс стартовал в России относительно поздно в сравнении со странами Западной Европы и Северной Америки. В такого рода «запаздывании» есть свои плюсы и минусы. Плюсы — это возможность опираться на опыт демократического строительства других стран. К числу минусов, а вернее, трудностей демократического развития России (а по их преодолению они станут завоеванием отечественной демократии) я бы отнес то, что нам, россиянам, приходится *«сразу»*, минуя ряд исторических ступеней, создавать *современный* образец демократии. А это предполагает завоевание предпосылок, которые на Западе были когда-то итогом долгого и трудного исторического развития. Например, приоритет ценностей свободы (либеральная демократия) выработывался у западно-европейских народов на протяжении веков и был связан с освобождением от пут феодализма и от абсолютистских монархий. У нас же падение коммунистического режима не стало торжеством либеральных ценностей. С одной стороны, либерализм после 1991 г., в России сразу же становится *экономическим либерализмом*, с другой стороны — в той форме, в которой либерализм возник в нашей стране, он оказался неспособным понять поднятую (хотя и не решенную социализмом) проблему соци-

ального освобождения масс. Скажу резче: дело либерализма в России упирается в непонимание того, что проблема свободы не может *одинаковым образом* стоять перед разными слоями населения страны. Равным образом победа демократии в России предполагает ряд условий, и, прежде всего, моральный и материальный подъем народных масс, которые до сих пор, к сожалению, ощущают себя отодвинутыми на обочину жизни — бедностью, неуверенностью в завтрашнем дне, произволом власть предержащих. Другими словами демократия у нас либо станет *социальной*, либо подвергнется серьезным испытаниям. Я уже не говорю о *сообщественной демократии*, чьи максимы придется учитывать в многонациональной России.

Обо всем этом я говорю и выступаю в печати для того, чтобы проект строительства демократии в России (пусть он называется «суверенной демократией» — вопрос не в названии) учитывал бы не только долгосрочные перспективы, что, конечно, необходимо, но и среднесрочные, и даже некоторые проблемы сегодняшнего дня. Генезис демократии отнюдь не безразличен ее будущему. Вполне возможно, что ряд элементарных (естественно с точки зрения всемирно-исторической практики) вопросов демократического строительства будет решен, так сказать, «попутно», в связи с осуществлением более высоких задач модернизации политического и социального строя в России. Но эти вопросы — они же сплошь и рядом вырастают в проблемы — по крайней мере надо осознать, предвосхищая конфигурацию будущей российской демократии.

В.Ж. Келле

ДЛЯ НАС ВАЖНО, ЧТО АВТОР НАУКУ ПОСТАВИЛ НА ПЕРВОЕ МЕСТО

Я не думал выступать, но когда услышал, как все дружно поддерживают суверенную демократию, решил высказать и свое мнение. Это мнение не политолога, не профессионала, а просто гуманитария, который захотел обозначить свою позицию, разделив обсуждение содержания доклада и чисто терминологическую проблематику, которая и вызывает дискуссию.

Прежде всего, могу сказать, что полностью согласен с заложенной в докладе системой основных ценностей – ориентацией на национальный суверенитет, свободу, демократию, справедливость, материальное благополучие и сбережение народа. Мне импонирует акцент на суверенитет с учетом того, что следует «поддерживать суверенитет без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности», что «центр прибыли от международных проектов использования российских ресурсов должен закрепиться в России», что государство должно быть сильным не только своим военным комплексом, поскольку «среди символов могущества все ярче выступают передовая наука, моральное преимущество, динамичная промышленность, справедливые законы, личная свобода, бытовой комфорт». Для нас важно, что автор науку поставил на первое место, выступает за развитие инновационной экономики, всемерную поддержку образования, подчеркивая, что именно наука и образование обеспечивают конкурентоспособность страны, обращает внимание на то, чтобы отечественная культура, искусство, гума-

нитарное знание, в том числе философия способствовали и сплочению народа и достойно представляли лицо России внешнему миру.

Докладчик осуждает «политическую неряшливость, с какой водворялась демократизация», отводит радикалам место на задворках демократии, говорит об опасности олигархического реванша, разрастания коррупции, бюрократической реставрации, отвергает «этнокриминалитет и сопутствующую ему ксенофобию», которые способны разрушить многонациональное государство, если их не победить. Этот список идей и проблем, содержащихся в докладе, можно было бы продолжать. Но уже сказанное свидетельствует о том, что докладчик настроен на оптимистический вариант развития, направленный на превращение России в самостоятельное сильное государство, процветающее современное общество, занимающее достойное весомое место в системе международных отношений.

Все эти принципы и подходы, как я полагаю, отвечают национальным интересам России, открывают ей путь в будущее, и рассматривать их более детально в данном случае нет необходимости. Исключением является проблема суверенитета. Хорошо, что она поставлена. Для России она является и принципиальной и болезненной.

Советский Союз был суверенным государством. Его политика, независимо от того, хорошая она была или плохая, определялась внутри страны. В 90-е годы, в период правления Ельцина, по разным причинам экономического, политического и личностного характера на деятельность государства мощное влияние оказывали внешние силы. Государственные решения принимались под диктовку МВФ, Всемирного банка, по указаниям американских советников и консультантов и т.п. А за всем этим стояли правительства западных стран. А политика эта привела к страшному обвалу экономики, гиперинфляции, обнищанию массы людей, росту безработицы, запредельному экономическому расслоению и т.д. Угодливость высших чиновников перед Западом вызвала в народе негативную реакцию. Вся в долгах, слабая и беспомощная, зависимая от финансовых и других подачек, страна оказалась в униженном положении, что больно ударило по национальному самосознанию и стало

одной из причин появления и роста националистических настроений. Россию стали списывать из числа великих держав. А когда президент Путин дал всему миру понять, что Россия проводит, и будет проводить самостоятельную политику, на Западе усилилась критика России, ее демократии, ее Президента.

По мнению докладчика, термин «суверенная демократия» как раз характеризует современное состояние российской государственности и проводимой им политики. По-моему этот термин не является адекватным. Буквально он означает: демократия, проводящая самостоятельную политику. Но слово демократия указывает лишь на то, что сувереном является народ, имеющий средства для выражения своей воли. Устроенное таким образом государство является демократическим. А по отношению к другим государствам, как субъектам политического действия, оно является суверенным. Термин «суверенитет» относится не к демократии, монархии, республике, а к государству. Оно обладает или не обладает суверенитетом. Это элементарно. Перенос же термина «суверенитет» с государства на его форму, в данном случае — демократию, мне режет ухо, и я с этим ничего не могу поделать.

Прилагательные к термину «демократия», как правило, уточняют характер «суверена» и способов выражения его воли (представительная, непосредственная, формальная и т.д.)

Если нужно как-то акцентировать особенности нашей демократии, может быть лучше употребить словосочетание «российская демократия». Ведь говорят же «американская демократия», когда хотят описать ее специфику. Вообще, суверенитет в современном мире — явление сложное, и при использовании этого понятия в научном дискурсе следует соблюдать некоторую осторожность. Недавно я прочитал в одном журнале статью, авторы которой «суверенной демократией» уже не удовлетворяются и отстаивают идею «суверенной российской цивилизации». Это уже полная бессмыслица.

Подведем итоги. Потеря суверенитета — унижение для великой державы. Вместе с ним теряется и смысл демократии, если, как мягко сказано в докладе, государство существует под покровительством кого-то другого. Россию хотели таким же образом заставить жить под покровительством другого государства,

и нынешняя антироссийская кампания на Западе, в частности в США, вызвана отчасти нежеланием понять, как это страна, бывшая под их «покровительством», сопротивляется и проводит самостоятельную политику. У кого-то это вызывает раздражение.

Другой вариант, когда суверенитет ограничивается добровольно, как это имеет место в ЕС, где ряд функций государства передается в наднациональные структуры. Для понимания этого процесса термин «суверенная демократия» ничего не дает.

Эта тема органично связана с задачами поддержания суверенитета. Глобализация, деятельность ТНК, ВТО, борьба за рынки, конкуренция, иностранные инвестиции в отечественную экономику и т.д. — как в этих условиях сохранить экономическую безопасность и суверенитет. В этой связи несколько слов относительно термина «модернизация». Пришло время скорректировать его употребление применительно к условиям современной России. Дело в том, что в контексте общественного развития термином «модернизация» обычно обозначают процесс перехода от традиционного общества к индустриальному. Модернизация самого индустриального общества может означать какое-то его улучшение. Но не переход в качественно новое состояние. Но сейчас у нас стоит вопрос не о совершенствовании индустриального общества, а о создании общества знания, т.е. переходе на уровень постиндустриального общества, опирающегося на новый технологический базис. Термин «модернизация» не отражает специфики этого перехода. Здесь нужен новый термин и им являются термины «инновационная экономика», «инновационное развитие». Для развития по инновационному пути общество создает инновационную систему, появление которой есть показатель того, что данное общество движется по направлению к обществу знания.

В России происходит формирование национальной инновационной системы. Уровень ее экономического развития, имеющийся интеллектуальный потенциал позволяют ставить и практически решать задачу этого перехода, несмотря на огромные, понесенные в период реформ, материальные и интеллектуальные потери. Но эта тема уже выходит за рамки обсуждения вопросов терминологии.

А.А. Гусейнов

ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ РОССИИ, РОССИЯ ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ

Среди совокупности проблем, поставленных в обсуждаемой статье, для нас, для специалистов в области философии, наиболее важной, на мой взгляд, является сама идея суверенной демократии. Ведь мы ответственны, прежде всего, именно за состояние идей в обществе, их рациональную обоснованность и нравственную добротность. Идея суверенной демократии вызвала большой теоретический и общественный интерес не только потому, что ее высказал человек, слова и действия которого уже в силу его высокого положения привлекают всеобщее внимание. Намного важнее другое: эта идея прямо обозначила исторический вызов, перед лицом которого оказалась современная Россия.

Россия встала на путь демократии. Не только. Одновременно она встала на путь национализма, национального государства. Конечно, народ России остается многонациональным, и государство является федеративным. Тем не менее, это уже другое качество и многонациональности, и федеративности, чем в условиях СССР. Мы ни в коем случае не можем заявить, считать случайным, несущественным тот факт, что Россия стала демократической, выйдя из состава СССР, разрушив его. Что мешает нам утверждать, что, если иметь в виду объективный исторический смысл данного процесса, она для того и вышла, для того и стала самостоятельной, чтобы быть демократической?! Итак, демократия в форме национального государства.

Это – европейский путь. Путь, к которому она шла как минимум триста лет, начиная с Петра I. Европеизация России – длительный драматический процесс, не такой, конечно, длительный, как еуропеизация самой Европы. Тем не менее, и он растянулся на поколения и проходит в упорных трудах, тяжелых социальных противостояниях и даже катастрофах.

Страна наша уже давно обрела европейское качество и внесла свой неопенимый вклад в формирование соответствующих европейских образцов в том, что касается таких сфер общественной жизни как: военно-стратегическая (роль России в ходе и исходе таких ключевых событий как наполеоновские войны, первая и вторая мировые войны), духовная (Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, П.И.Чайковский, русский авангард), наука и технологии (ядерная физика, космос). Сейчас речь идет об обретении европейского качества в том, что касается форм политической жизни, имея в виду и государственное устройство, и межчеловеческую повседневность. Если быть более конкретным, то речь идет о переходе от имперско-тоталитарных форм государственно-политической жизни к национально-демократической.

Такой переход при всей подготовленности предшествующим ходом развития не заключает в себе безусловной необходимости, он представляет собой колоссальный вызов. Он является вызовом и для всей системы европейской демократии, которая для того, чтобы вобрать в себя Россию сама должна существенно перестроиться. И он, что нас в контексте сегодняшнего обсуждения, да и вообще интересует прежде всего, является вызовом для России.

Большой и открытый вопрос заключается в следующем: может ли Россия в качестве демократического государства оставаться суверенной и играть в мировых делах столь же важную роль, какой были и какую играли Императорская (царская) Россия и Советский Союз. Речь идет не просто и не только о том, что Россия, уменьшившись наполовину в населении и на четверть в территории, пережив экономическую разруху, ослабла во внешней и технологической мощи. Несравненно более важным элементом является всемирно-исторический потенциал ее национального духа, ее способность к социальному творчеству, сознание ответственности за общее будущее человечества.

России предстоит найти свое новое место в изменяющемся мире. Но чтобы на новом уровне и в новом виде утвердиться в мире, Россия сама должна преобразоваться в духе времени. Внешний суверенитет демократической России зависит от ее, если так можно выразиться, внутреннего демократического суверенитета. Историческое развитие складывалось таким образом, что ее государственная мощь и высокий статус военной державы в мире оплачивались усилением внутреннего гнета, закабаления народа. Так это было в случае Царской России. Так это было и в случае Советской России. Россия оказывалась сильной в качестве сплошного монолита, такого целого, которое стянуто воедино и держится исключительно властной волей. Но может ли она стать такой в демократическом режиме внутренне раскованной, свободной политической и гражданской активности? Может ли она переломить историческую тенденцию и от дисциплины палки, страха, верноподданнического усердия, перейти к дисциплине гражданского участия, сознательного культивирования демократических ценностей? Возможность этого доказывается «не парой фокуснических фраз» (воспользуемся этим выражением классика), а ходом реального развития страны и прямо зависит от наших усилий идти по избранному пути.

Словом, демократия для России есть исторический вызов. Очень важно понять его обязывающий смысл, как и сопряженные с ним риски. Речь идет не о том, может ли Россия усвоить демократическую культуру, а о том, может ли сама русская политическая культура преобразоваться в демократическую. Не о том, чтобы одеть Россию в европейские одежды, а сшить одежды такого демократического покроя, которые подходили бы к России, какая она есть с ее самобытными традициями, необъятной территорией, суровым климатом, склонным к крайностям человеческим материалом, разнообразием религий, культур и этносов, даже с ее дорогами и дураками. Я бы сказал так: вопрос о том, может ли Россия стать демократической, есть вопрос о том, может ли она, Россия, развить, обогатить демократию, придать ей новую форму. Идея суверенной демократии — именно об этом. Если бы мне предложили в одном предло-

жении выразить заключенный в ней пафос, я бы сказал так: чтобы Россия стала демократической, сама демократия должна стать русской.

Что касается термина «суверенная демократия», того, насколько он адекватен заключенному в ней содержанию, насколько точно обозначает само понятие, то тут могут быть разные мнения. Однако критиковать обозначения — дело благодарное. Если держаться за первоначальный буквальный смысл слов, то чернила не могут быть красными, директивы — тайными, популярный спиртовой напиток нельзя назвать водкой, а водку — алкоголем и т.д. Даже названия философских произведений не всегда точно обозначают их содержание. Спиноза назвал свое сочинение «Этика». Но разве там речь идет об этике в привычном смысле слова? Витгенштейн написал «Логико-философский трактат». Разве это — трактат? Даже у Канта названия его основных произведений не отражают в точности их содержание. В случае «суверенной демократии» степень соответствия термина понятию является достаточно высокой, в особенности, если учесть, что слово «суверенная» может истолковываться не только как «независимая», но, имея в виду его этимологию, еще и как «совершенная». В начале 90-х гг. А.А.Зиновьев охарактеризовал устанавливаемый в России политический строй как колониальную демократию. Так он назвал доклад, с которым выступил на «круглом столе» в Институте социально-политических исследований РАН. Если может быть колониальная демократия, то почему не может быть суверенной?

Словом, не следует заикливаться на термине, надо исследовать практику новой русской демократии и своими исследованиями подключаться к ней.

Здесь я хотел бы еще раз обратить внимание на один момент, поддержав критическое замечание Э.Ю.Соловьева, которое он высказал в связи с имеющимися в статье рассуждениями о творческом сословии. Творческое сословие, элита — эти понятия широко применяются в нашей политологической и публичной лексике. Они истолковываются и воспринимаются как некая программа, важный элемент демократического процесса. Во всяком случае, у нас много разного рода публичных

людей, которые тяготятся своим положением рядовых граждан и хотят быть элитой. И это практическое стремление к элитарности и его теоретическая санкция требуют, на мой взгляд, критического, быть может, даже акцентировано критического отношения. В том, что касается управленческих и иных иерархизованных структур то, возможно, применительно к ним понятие элиты имеет какой-то позитивный смысл. Но оно противоречит логике демократического мышления, основой основ которого является нравственно-политическая зрелость граждан, их способность к самостоятельным ответственным суждениям и действиям.

Дело не только в общем антиэлитарном духе демократического строя мыслей. Есть еще одна сугубо российская особенность, связанная с ролью («духовной миссией») интеллигенции, ее стремлением опекать, воспитывать народ, выступать от его имени. Я бы хотел напомнить об одном важном событии в истории российского самосознания — речи Ф.М.Достоевского на открытии памятника Пушкину. Он говорил о противоречии общества и народа, не государства и общества, не гражданского общества и государства, а о противоречии именно общества и народа, о том, что общество оторвалось от народа. Таков был основной пафос всей его пушкинской речи. И мне кажется, когда у нас говорят об элите, лидерстве, ее берут только в сопряжении с государством, с властными структурами, рассматривают как критическую инстанцию по отношению к последним. Здесь на сегодняшний день уже нет больших проблем, в целом элита послушна, сотрудничает с властью, кто-то продолжает занимать критическую позицию. Публичные люди в современной России, как бы их ни называть — интеллигенция, интеллектуалы, лидеры общественного мнения — демонстрируют исключительно высокую степень лояльности даже сервильности. Среди них нет недостатка в тех, кто может открыто и прямо сказать, а часто говорит правителю, что он — умница. Проблема заключается в другом — они оторваны от народа, простых людей с их повседневными заботами, от того, что именуется широкими массами. Когда делается заявка на философско-политическую концепцию развития России, то нельзя не учитывать и не фиксировать этот момент во всей значимости.

Переход России к демократии происходил, как известно, не планово, а в значительной степени стихийно, к новым формам хозяйствования и властвования страна приобщалась не как целое, не как единый народ, а фрагментарно, даже поиндивидуально, почти по принципу: «кто смел, тот и съел». В результате сложились многообразные разрывы и диспропорции — между богатыми и бедными, столицами и регионами, старыми и молодыми, руководителями и подчиненными и т.д. В этой ситуации культивировать понятие элиты — значит только вольно или невольно оправдывать, теоретически санкционировать, закреплять эти разрывы. Я уже не говорю о том, что понятие элиты является этически двусмысленным. И уж точно не принадлежат к элите те, кто числит себя среди них.

Вопрос об элите — один из маленьких фрагментов в огромном составе актуальных проблем российской демократии. Но даже на этом маленьком примере видно, насколько важными, практически заостренными являются те или иные теоретические формулы и решения. Мы любим повторять известный афоризм о том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. А ведь это, кажется, и на самом деле так.

В.Ю. Сурков

КОММЕНТАРИИ К ОБСУЖДЕНИЮ «ПАРАГРАФОВ PRO СУВЕРЕННУЮ ДЕМОКРАТИЮ»

Про стиль статьи

Буду придерживаться, как выразился один из вас, «клиповой» стилистики статьи. Мне самому очень нравятся переливающиеся тексты, и, кроме того, поскольку мне кажется, в нашем общественном сознании до сих пор, в целом, даже в интеллектуальных кругах, наличествует своеобразный семантический хаос, с моей стороны было бы очень неразумно и даже, может быть, нескромно расставлять все слова и акценты по строго определенным местам, что само по себе всегда сложно. Согласен, что, наверное, нужен какой-то определенный, четкий дискурс, который бы дисциплинировал, давал бы полные и ясные, по крайней мере, кажущиеся ясными определения. Но в данном случае я шел на это сознательно, потому что как раз считаю, что сейчас, пока все еще не расставлено по своим местам, плавающие дискурсы тоже вполне уместны. Может быть, даже предпочтительны. Пусть пока наши суждения попарят над поверхностью. Правильно было замечено, даже в самом названии, в слове «параграф», и в слове «национализация» есть, конечно, многосмысленность. Я сам не настолько уверен в правоте своих суждений, чтобы переводить их в очень простые схемы, однозначно навязывать.

Плавающий, может быть, лучше сказать, пунктирный стиль еще хорош тем, что он помогает избегать резких противопоставлений. Возможно, это происходит от того, что я иду не от теории, а от практики. А практика всегда представляет собой

соединение, порой причудливое, вещей, которые в теоретических моделях, в абстракции кажутся несоединимыми. Не понимаю, почему надо быть либо бедным, либо здоровым, хорошо бы быть и богатым, и здоровым. Свобода, справедливость — почему «или», а не «и». Мне не понятны также противопоставления рынка и социальной ответственности, они надуманные. Они, наверное, оправданы, когда идет какая-то борьба политическая, и на каких-то переходных этапах, при тех или иных резких колебаниях социального маятника, но в целом эти вещи сосуществуют, они вполне способны быть вместе, в гармонии, и одно другого не отрицает. Так же, например, как глобализация не отрицает, на мой взгляд, существования суверенных государств.

Про элиту

Я являюсь поклонником меритократической модели, и не считаю, что она противоречит демократии. Напротив, мне кажется, демократия как открытое общество, в котором существует состязание, о котором я, кстати, в тексте, тоже много сказал, воспроизводит обновляющуюся элиту. Демократия держится на постоянном обновлении элиты. Нельзя стать пожизненным чемпионом мира по фигурному катанию. Спортсмен до тех пор чемпион, пока он подтверждает этот титул. Когда он перестает быть чемпионом, он выбывает из этого клуба. Так же в бизнесе, так же в политике, Мы не очень привычны работать на результат, поверьте, я и в бизнесе работал, сейчас в Администрации работаю, и знаю, о чем говорю. У нас любой сотрудник расскажет подробнейшим образом, почему у него не получилось, с кем он переговорил, что он выслушал в ответ, он будет вам часами рассказывать об этом. Однако возразить ему, что это никого не волнует, и спросить, где то, что он должен сделать, это пока не вошло в плоть нашей культуры. Считаю, что здесь как раз тема меритократии уместна. В том-то и плюс демократического общества, что оно снимает сословные перегородки, позволяет человеку из любых кругов, из самого простонародья, если так еще можно выражаться в нашем веке, подняться на любую вершину. Потому что дороги открыты и общество ценит результат.

Про плюралистическую демократию

Плюралистическая демократия – вполне современный, прогрессивный взгляд на политику. Несомненно в современной политике должны учитываться интересы всех, в том числе и маленьких, и слабых социальных групп. Но я не согласен, что это обязательно должно находить прямое выражение в парламентской модели, что каждая, даже крошечная группа должна непосредственно депутатствовать. В США (собственно, и термин, и вся идеология плюралистичности идут оттуда), как известно, практикуется двухпартийная система, и Конгресс США – единственный парламент в мире среди такого уровня развития демократических стран, где присутствуют представители только двух партий. Там нет ни одного независимого конгрессмена или сенатора, нет ни одного из какой-либо третьей партии, хотя формально в США другие партии тоже существуют. Это удивительное явление. При этом никто не может, наверное, всерьез упрекнуть США в том, что там нет элементов плюралистической демократии, что там нет механизмов, позволяющих малым группам, в том числе и слабым группам, доводить свои интересы до власти имущих, либо до других сообществ, что не менее важно, на самом деле, чем доводить их до власти. Поэтому я не считаю проблему наличия в нашей избирательной системе семипроцентного барьера решающей в этом вопросе.

Могу долго на эту тему говорить, так как ответственно участвую в ней. Ограничусь одним замечанием: политическая конкуренция, безусловно, благо, но здесь нельзя доводить ситуацию до абсурда. Если в Китае при Мао Цзэдуне в каждом дворе была маленькая доменная печка, и можно было бы подумать, что это торжество производственной активности, на самом деле, это было торжество энтропии. И когда каждый торгует на каждом углу и как попало, как это у нас было до недавних пор, а отчасти еще и остается до сегодняшнего дня, то это тоже не торжество рынка, а крайняя степень падения, это уже не конкуренция, это распад. Точно также и политические субъекты должны быть достаточно увесистые, чтобы создавать конкуренцию. Они не могут быть бесконечно малень-

кими и, когда даже имея пол-процента поддержки населения, попадают обязательно в парламент. У них ведь есть и другие функции, не только заседать в парламенте, партии выполняют и другие социальные функции. Поэтому слабые партии могут заниматься чем-то еще и копить силы для борьбы за парламент.

Про российскую нацию

Это — достаточно серьезный вопрос. Вроде бы, очевидная, даже банальная вещь: мы — одна нация. А в Конституции нет слова «нация» вообще, там есть многонациональный народ. У нас же в этом вопросе масса неопределенностей. Ведь Конституция была плодом компромисса между разными позициями, пониманиями, даже предрассудками, из-за чего слово «нация» там не употребляется. Там говорится, «многонациональный», но нигде не расшифровывается, что за прилагательным «многонациональный» скрывается, это что — много наций, национальностей? Чего много-то? Об этом умалчивается. Здесь, конечно, требуется больше определенности и ясности. Мы пока не подошли к такой ясности.

Сегодня звучало утверждение, что некоторые смыслы не надо до конца прояснять, потому что их прояснение может привести к разрушению целостности. Суждения о российской нации, возможно, относятся к таким, по крайней мере, на сегодняшний день. В общественной лексике много идей и понятий с переливающимися смыслами, которые ценны именно в этом качестве. Видимо, и мною инстинктивно двигало это ощущение, потому что я избегал окончательной ясности. Вообще, окончательная ясность — это, по-моему, сверхчеловеческая компетенция.

В ходе обсуждения правильно было обращено внимание на внутренний аспект суверенной демократии. Я бы его связал не только с региональными проблемами. Вообще, высшая власть народа, демократия как власть народа — это еще и проблема ее неотчуждаемости внутри страны, потому что перехват власти, очень легко, кстати, осуществимый с помощью бюрократии, что мы в значительной степени, как наши кри-

тики говорят, наблюдаем сегодня, либо крупных финансовых структур, как это было недавно, и как возможность еще сохраняется, это фундаментальная проблема. Концепция суверенной демократии направлена не только на манифестацию вовне: мы — независимый суверенный народ! Она и внутри страны очень важна, потому что власть народа, тут не нужна идеализация, никогда не может быть реализована в безупречном виде, но надо, чтобы было живое стремление к тому, чтобы власть действительно принадлежала народу и для народа, чтобы она осуществлялась самим народом. Хотя, конечно, никогда, в идеале, на 100% это не произойдет. Но стремиться к этому общество должно.

Про истоки и кризис демократии в нашей стране

Не знаю, какой реальный смысл вкладывается в утверждения, что на нас демократия распространилась откуда-то извне. Я Россию действительно считаю частью европейской культуры, хотя и очень своеобразной ее частью. Мне кажется, демократия заложена в самой парадигме нашего развития, мы пришли к ней так же органически, как к ней приходят европейские народы, а не потому, что мы заимствовали ее оттуда. Если демократия и все эти цивилизационные ценности не станут чертой национального характера, не проявятся как национальный характер, то какие бы мы парламенты ни учреждали, какие бы структуры ни создавали, какие бы конституции ни писали, никакой демократии все равно не будет.

Формальные признаки демократии, на которые, как правило, либералы обращают повышенное внимание, сами по себе не добудут демократии. Потому что, если за всем этим нет органики, нет реального уважения людей друг к другу, желания беречь друг друга, в широком, естественно, смысле слова, нет национальной солидарности, то никакой демократии не будет.

К примеру, у нас есть прекрасные выборные органы в некоторых республиках Северного Кавказа, но назвать эту модель самоуправления демократической в классическом смысле слова довольно проблематично, потому что там работают совер-

шенно другие цивилизационные механизмы. И я не считаю, что они неправильно живут. Строго говоря, там есть форма, но за этой формой скрывается совсем другое содержание, хотя там есть парламент, есть выборы и много других формальных признаков демократии. А реально там огромную и для стабильности кавказского общества исключительно важную роль играет баланс этнических групп, и мы это хорошо все знаем. И для них эти демократические механизмы иногда даже помеха для проведения содержательной политики, потому что они вынуждены их встраивать в свои сущностные модели, которые реально держат это общество в дееспособном состоянии. Это грубый, может быть, пример, но он очень показательный.

Не стал бы также поддерживать тезис о кризисе демократии в последние годы. Думаю, что демократия всегда находится более-менее в кризисе. Просто внутри этого большого и сложного комплекса факторов и явлений, которые в сумме называются демократией, постоянно происходят какие-то колебания. Демократия — живой процесс. Она пульсирует, иногда приближается к модели олигархической, когда в ней больше манипуляций, закулисных игр, прикрываемых демократическими институтами, а иногда в ней берет верх массовая составляющая. Так Франклин Рузвельт культивировал, развивал народную демократию, хотя, конечно, и в этот период много чего там было, и грязи тоже хватало. А его предшественник проводил политику, в основном, в интересах более узкого слоя людей. Такие колебания существуют, я бы их не драматизировал. Конечно, согласен, что, наверное, и формы демократии, и сама эта форма тоже со временем будут меняться, мы не должны их абсолютизировать. Мой текст, по сути дела, как раз об этом. Это попытка возразить тем, кто хочет унифицировать все модели демократии, кто говорит: демократия вот такая, и больше никакая не существует.

Про термин

В дискуссии прозвучал тезис, что термин «суверенная демократия» тавтологичен. В каком-то смысле это так, а в каком-то смысле нет. Я отчасти сознательно использую тот факт, что в

английской традиции под демократией имеется в виду демократическое государство. Вот я и говорю: Россия — это суверенная демократия, значит, Россия — суверенное демократическое государство. Но также мне хотелось бы этим термином подчеркнуть некий более широкий политико-культурный аспект, заключающийся в том, что демократический способ организации жизни не исключает, напротив, обязательно предполагает самостоятельность и самобытность.

Возможно, тут есть некая натяжка, но я говорю искренне: мне действительно термин не так важен. Если он отчасти провокационен, тем лучше, потому что заостряет внимание на проблеме, составляющей одно из ключевых направлений демократических процессов в современном мире.

Согласен: есть универсальные базовые ценности демократии. Сама демократия является универсальной ценностью. Но ведь универсальное не существует само по себе, оно всегда конкретно, локально, индивидуально. И понятие демократии, насколько я понимаю, является обобщенной характеристикой многообразных демократических опытов.

Используя термин «суверенная демократия», я, понимаю, исходил не из философских и литературных соображений. Я опираюсь на политический опыт и живу политическими интересами своей страны. Огромный отрезок новейшей истории России, вся эпоха перестройки была построена на общечеловеческих ценностях. Я спрашиваю: ориентация исключительно на универсальность, какое-то даже упоение общечеловеческими ценностями — обернулось ли все это благом для России? Мы получили обвал и абсолютное разочарование. Политика односторонних уступок ради якобы общих принципов имеет нулевую капитализацию, а, как выяснилось, даже и отрицательную. Почему-то такое наше великодушие не вызвало встречного великодушия, а ровно наоборот, спровоцировало дальнейшее нарастающее давление на нас. Разве можно быть серьезным политиком, полностью отрицая свое, национальное, ради общего, абстрактного?

Мне возражают, что, мол, не бывает суверенной математики и суверенного права. Что касается права, то здесь все-таки, как мне кажется, да и специалисты подтверждают, большое

значение имеют традиции, культурный контекст. Что касается математики, то применительно к демократии это — не очень корректная, мне кажется, параллель. И, тем не менее: суверенной математики, конечно, не бывает, но мне бы хотелось, чтобы лучшая математическая школа была российская. Чтобы как можно больше лучших в мире математиков были русскими. Мы не просто и не только пользуемся чужими знаниями и достижениями в этой области, а активно в ней участвуем, воспринимаем как свое дело, развиваем. Почему в том, что касается демократии, мы не можем сказать своего, русского, российского слова?!

Про демократические средства

В обсуждении прозвучал тезис, что демократия — это средство, и потому она универсальна. Потому не может быть суверенной. Да, средства — вещь объективная, через них мы осуществляем свои цели. Но ведь и средства должны соответствовать цели. И со средствами надо работать, их тоже надо совершенствовать.

Я сам далеко не идеалистически настроенный мечтатель, человек заземленный достаточно, и понимаю, безусловно, средства — это очень важно. В частности, и в том тексте, который мы обсуждаем, я, в общем, тоже пытаюсь об этом говорить. Как раз тезис о том, что надо прекращать сорить людьми, направлен в эту сторону. Может быть, это самая главная проблема России, когда мы говорим о ее демократическом строительстве. Ведь даже, когда мы говорим о своих колоссальных жертвах в войне, это является для нас обязывающим напоминанием, а в известном смысле и укором. Уверен, хотя не мне обсуждать эти святые темы, но и во второй мировой войне мы могли бы потерять гораздо меньше людей, просто в разы, если бы была другая культура нашего отношения друг к другу. А когда «у Бога людей много», тогда, конечно, можно их бросать на прорыв в любом количестве. Меня поразило одно место у Черчилля в воспоминаниях, когда он беседует со Сталиным, и, говоря о военных, тактических приемах, интересуется тем, как русские преодолевают минные поля. Ста-

лин говорит, что они по ним идут, как если бы там не было мин. Черчилль спрашивает: как же так? Сталин отвечает, что по нашим расчетам, если бы, например, вместо минного поля там просто стоял пулеметный расчет и стрелял по солдатам, то потери были бы примерно такие же. Поэтому какая разница, почему бы просто не идти по полям, без предварительного разминирования, не тратя на это времени, сил и средств. Вот от этого надо уходить, мне кажется, это главное. А все остальное уже приложится.

Между прочим, эта проблема имеет прямое отношение к теме суверенной демократии. Именно потому, что нам надо еще уходить от этого, от чего страны развитых демократий уже ушли и для того, чтобы уйти с наименьшими потерями, не повторяя варварских методов, через которые в свое время прошли западные государства, разве для одного этого мы не должны искать свои собственные суверенные формы и способы демократического жизнетворчества?!

Про варварство и нашу историю

Категорически не приемлю прозвучавший сегодня упрек, будто я в какой-то форме — прямой или скрытой — занимаюсь апологией варварских методов модернизации, сталинской модели и т.п. Речь не идет о том, что этого не было в моих замыслах. Этого нет и в самом тексте. Весь пафос статьи и непосредственные высказывания по этим сюжетам направлены на то, чтобы уйти от судорожного, как я это называю, стиля развития России до сих пор.

Но никто мне не докажет, что Петр Великий и Сталин не создали большие проекты. Я не говорю, какие они, я не знаю, насколько позволительно судить об истории в сослагательной модальности и как бы развивалась Россия при другой модели. Абсолютно не хотел бы жить в сталинской России, абсолютно не согласен со сталинскими методами, и именно об этом и пишу. И все-таки должен констатировать, как просто нормальный человек, не склонный к спекуляциям, что Сталин является самым известным российским политиком в мире. Считаю, что это плохо, но это так.

В космос полетели при Советской власти. Кто бы что ни говорил, самое большое влияние в мире страна имела при Советской власти. И какие бы ужасы за этим не стояли, не могу и не хочу отвлекаться от того, что в этих государствах, и в Империи Российской, и в Советском Союзе, жили наши предки. Не могу, не должен плевать на прошлое, и не видеть вообще ничего хорошего в том, что было. Мы тогда придем просто к отрицанию русской истории, потому что у нас, кроме советского периода, и кроме имперского периода, в общем-то, ничего и не было. Так можно договориться и до того, что у нас не было Родины, и нет ее. Это же бред.

Здесь есть еще один важный аспект. Критика жестокостей нашего прошлого не должна переходить в национальное самоунижение. Будто в этом отношении Россия выпадает из строя цивилизованных стран. Это не так. Всякое бывало в истории разных стран. Сколько было войн и несправедливостей. Да и сейчас есть. А Ирак — это что? Просто под надуманным предлогом люди, чтобы решать свои геополитические задачи, в том числе, внутривнутриполитические, совершили нападение на страну, оккупировали ее, уничтожили массу вообще ни в чем не повинных людей. Чтобы раскрыть наши реальные недостатки, вовсе нет необходимости в том, чтобы приписывать другим вымышленные достоинства. Словом, я не считаю правильной и продуктивной позицию, будто наша страна, наша история являются ненормальными. В каком-то смысле это ведь философский вопрос. Как отдельные индивиды, так и народы и страны не распределяются таким образом, что одни примыкают к полюсу добра, а другие — к полюсу зла.

Еще раз про эффективные средства

Убежден, что принцип согласно которому, чем жестче и радикальнее реформы, тем лучше, это заблуждение. Такие реформы не дают нужного эффекта, отнимают социальную базу, но не дают социального результата. Помимо того, что это не гуманно, это еще и не рентабельно — с точки зрения политической, да и интересов всего общества. Надо идти постепенными шагами. И, конечно, здесь важно, кто бы что ни говорил, гражд-

данское общество, на самом деле. Правда тут тоже есть один вопрос, быть может, тоже один из «проклятых» русских вопросов: все за гражданскую инициативу и все ведут себя по супер-демократической модели, когда они вне власти, а как только эти же люди приближаются к власти, у них модель поведения начинает меняться.

Вопрос о методах, средствах особенно важен в свете необходимости создавать принципиально новую экономику. У нас задача по масштабам такая же, извиняюсь за отсылку к большевикам, как была перед ними: они создавали новый тип экономики в России, и нам это нужно тоже. Не хотел бы только, чтобы мы это делали теми же способами, что и они.

И мне кажется, драматизм этой задачи мало кем осознается в полной мере. Я сам, конечно, не великий специалист, но и мне понятно, что когда у нас люди говорят об инновационной экономике, они часто сами не знают, о чем говорят. Им кажется, что это просто некие новые машины, некие новые способы добычи того же сырья. А между тем, речь идет о серьезных сдвигах в культуре в целом, в национальном характере и образе жизни.

В конце концов, если нас гонит к инновационной экономике только страх перед тем, что закончится нефть, значит, мы просто какие-то странные и довольно мелкие люди. Мне кажется, нас должны вести вперед национальные амбиции, яркий образ будущего, а не страх утратить ресурсы. И наука, о чем сегодня было сказано, нас должна интересовать как экономический ресурс, как производительная сила в широком смысле слова, как путь к более совершенному состоянию общества.

Про демократию и коррупцию

Среди традиций, которые дискредитируют нашу демократию, хотя, правда, и не делают ее суверенной, а напротив, встраивают в общий ряд, особо следует выделить коррупцию. Говорилось о ней и в сегодняшней дискуссии. По вопросу о связи коррупции и демократии существуют разные мнения. Одни считают, что демократия является благодатной почвой для коррупции, добавляя: лучше коррупция, чем репрессии. Другие

связывают коррупцию с недостаточной развитостью демократических процедур. Причинные ряды коррупции и демократии, несомненно, перекрещиваются, иногда запутанно перекрещиваются, но они — разные.

Огласен, что оппозиция, наличие сильной оппозиции, сменяемость партий у власти, конечно, снижает очень сильно уровень коррупции. Но также хотел бы еще раз обратиться к цивилизационным аспектам. В 90-е годы была очень сильная оппозиция, поверьте, я и тогда был рядом с властью, был и знал всех лидеров парламента и многих чиновников, и кремлевских в том числе, оппозиция была очень мощная, ее реально боялась власть. И я считаю, что именно тогда коррупция и была институционализована в ее невероятных размерах, это был прекрасный симбиоз оппозиции с теми, кто предпочитает коррумпированный путь решения своих проблем.

Коррупция — враг демократии. Тут не может быть двух мнений. Какая демократия там, где взятка является нормальным явлением. С коррупцией надо бороться целеустремленно, последовательно. Хочу лишь сказать, что наскоком ее не возьмешь, указом не отменишь. И просто формальных вещей недостаточно. Возьмите нашу сегодняшнюю либеральную оппозицию с ее маршами несогласных, и среди вас, наверное, много сочувствующих им. А ведь никто не говорит о коррупции среди этой оппозиции, она там абсолютно такая же, как и у людей при власти, просто у них капитализация меньше, от них зависит меньше, но они тоже коррумпированы. Точно так же, как платят на этих маршах людям, я тоже хорошо знаю, и тоже не понаслышке, это не пропаганда с моей стороны.

Словом, формальные, я бы сказал, механистические, внешние вещи обязательно нужны, я их не отрицаю, но они абсолютно недостаточны. Кто будет спорить об исключительно великой и незаменимой роли свободных и независимых СМИ?! И опять же, у нас были и есть так называемые независимые СМИ. А насколько они независимы? Насколько они независимы в мире? В США всего несколько огромных холдингов держат 80% всех средств массовой информации. Несколько корпораций, на пальцах их можно пересчитать — эти люди могут

собраться в маленькой комнате и все решить. И мы видим, как иногда они неожиданно четко начинают работать синхронно. Я не сторонник теории заговора, но то, что координация бывает, это очевидно совершенно. А ведь манипуляция — вещь, очень близкая к коррупции. Были у нас независимые телевизионные каналы знаменитые, они принадлежали очень независимым людям, но, на самом деле, они решали свои проблемы, это тоже была форма коррупции. Я считаю, что четвертая власть у нас не меньше коррумпирована, чем три остальных власти, это тоже факт.

Словом, как ни важны отдельные лица, решения, правильно выстроенные формальные механизмы, реальные перспективы российской демократии связаны с тем, насколько широко, прочно демократия — это замечательное завоевание человеческой цивилизации, войдет в наши нравы, культуру, в повседневность нашей публичной жизни.

* * *

В заключение хочу искренне поблагодарить Вас за это обсуждение, его свободный характер, доброжелательный тон, за замечания, возражения, критику. Критика могла бы быть и более жесткой, я спокойно к этому отношусь. И самое главное, за тот неподдельный интерес, который я увидел. Согласен с утверждением Абдусалама Абдулкеримовича, что Россия реально стоит перед историческим вызовом. Найти на него адекватный ответ — не простой вопрос. Мне кажется, в обществе очень мало людей, которые осознают драматизм момента. Еще эта пресловутая нефтегазовая конъюнктура нас успокаивает, и отчасти поэтому тревожное предощущение очень больших трансформаций и фактической нашей неготовности к ним не так глубоко осознано и широко распространено, что само по себе тревожно. Тем более уместен наш разговор.

Если мой спорный термин и спорные рассуждения дополняют наш российский разговор о нашей российской демократии, то они делают нужное дело. В процессе такого раз-

говора, мне кажется, мы сможем найти собственные смысловые ряды, собственные конструкции, которые не будут экзотическими и непонятными для всех остальных народов, но которые все-таки будут отражать специфику нашего склада ума, нашей культуры, наших реальных условий жизни и практических задач.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Владислав Сурков

Заместитель руководителя Администрации Президента РФ

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО. ПАРАГРАФЫ ПРО СУВЕРЕННУЮ ДЕМОКРАТИЮ

Люди стремятся жить свободно в составе сообществ, организованных на справедливых началах. Для большинства в определенном социальном масштабе таковыми сообществами являются нации¹. Достоинство свободного человека требует, чтобы нация, к которой он относит себя, была также свободна в справедливо устроенном мире.

Высшая независимая (суверенная) власть народа (демократия) призвана соответствовать этим стремлениям и требованиям на всех уровнях гражданской активности — от индивидуального до национального.

Она утверждает принципы массового правления в качестве естественных для массовых культур в эпоху массового доступа к знаниям (информации) и средствам коммуникации. Она осуществляется в сложном и усложняющемся во времени взаимодействии государственных, корпоративных и частных влияний.

Здесь, в России, ей предстоит: испытать на себе и обратить в свою пользу мощь глобализации; добиться вытеснения засоряющих перспективу теневых институтов коррупции, крими-

¹ Здесь нация понимается как сверхэтническая совокупность всех граждан страны. Применительно к России «нация» в данном тексте — «многонациональный народ» в тексте Конституции. То есть российская нация (народ) объединяет все народы (национальности?) России в общих границах, государстве, культуре, прошлом и будущем.

нального произвола, рынка суррогатов и контрафакта; устоять перед реакционными приступами изоляционизма и олигархии². Создать новое общество, новую экономику, новую армию, новую веру. Доказать, что о свободе и справедливости можно и должно думать и говорить по-русски.

Определение

Рассуждение о суверенной демократии в России отвечает положениям Конституции, согласно которым: во-первых, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»; во-вторых, «никто не может присваивать власть в Российской Федерации».

Таким образом, допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими.

Дополнение

Краткими определениями суверенной демократии способны служить почти буквальные переводы этого термина на старомодный («самодержавие народа») и современный («правление свободных людей») русский язык.

Кстати, обозначаемая этим термином сумма идей под разными названиями, так или иначе реализуется многими амбициозными нациями.

Данные идеи исходят из представления о справедливом мироустройстве как о сообществе свободных сообществ (суверенных демократий), сотрудничество и соревнование которых

² Грубейшая и глупейшая ошибка обзывать олигархом каждого крупного предпринимателя. Олигархический капитал только тот, что сознательно используется для институализации коррупции и манипулирования, незаконной узурпации государственных функций.

осуществляются по разумным правилам. И потому предполагают либерализацию международных отношений и демонополизацию глобальной экономики. Чем, конечно, раздражают планетарных силовиков и монополистов.

Что касается национальных эмоций, то в этом измерении концепция суверенной демократии претендует на выражение силы и достоинства российского народа через развитие гражданского общества, надежного государства, конкурентоспособной экономики и эффективного механизма влияния на мировые события.

Возражение

Возразить крикливой фракции «интеллектуалов», для которых солнце восходит на западе, нетрудно. Достаточно напомнить, что суверенная демократия отнюдь не доморощенная затея. Напротив, это широко распространенное и признанное практикующими политиками понятие: «Успешная трансформация новых независимых государств в суверенные демократии является центральным звеном европейской стабильности» (У.Кристофер, государственный секретарь США, 1994 г.); «наш [Европейский] Союз хранит сущность: федерации суверенных демократий» (Р.Проди, председатель Европейской комиссии, 2004 г.).

Серьезные критики указывают, что демократия не нуждается в определениях, она либо наличествует, либо отсутствует. А любое уточняющее прилагательное означает или авторитарное поползновение, или софистический подвох.

Между тем давно и точно замечено: демократия не факт, а процесс, затрагивающий самые разные области жизни людей. И процесс этот ‘пошел’ не пять минут назад.

Многие общества в свое время считали себя демократическими, ограничивая при этом права женщин и расовых меньшинств и даже (несколько раньше) приторговывая невольниками. Была ли та демократия такой же, как теперь? И если все-таки нет, то, как обойтись без определений?

Например, относительно недавно, в конце прошлого века, некоторые эксперты стали отличать «плюралистическую» (более «современную») демократию от «мажоритарной». То есть в

оценках полноты народного правления сместили политологический акцент с доминирования самой большой группы избирателей (которая, при всем к ней уважении, не представляет же весь народ) на состязание за доступ к рычагам влияния на власть всех (и самых малых) групп населения. И правильно сделали, жаль только, что не обошлись без прилагательных.

Перенос ударения на отдельные составляющие демократического процесса неизбежен и необходим в каждой новой точке исторического пространства-времени. В каждом новом контексте перманентного соперничества людей и доктрин.

Контекст

Русские инициировали грандиозную демократизацию жизненного уклада — как своего, так и множества находившихся на орбите их политического и культурного влияния народов³. Предприятие это, движимое (очень по-нашему) больше дерзостью, чем расчетом, отягощенное чудовищными ошибками и жертвами, стало, вместе с тем, самым многообещающим актом глобальной модернизации.

Необратимое усложнение механизмов человеческой экспансии (так называемый прогресс) привело Россию к пересмотру стратегии участия в гонке государственных, экономических и пропагандистских машин. Дизайн последних социальных моделей явно направлен к смягчению политических режимов, росту роли интеллектуального превосходства и информационного обмена, опутыванию властных иерархий саморегулируемыми сетями, короче — к демократии.

Соответствующие преобразования в нашей стране отозвались и драматически сочетаются с глубокими изменениями за ее границами. Демобилизация соцлагеря, удвоив территорию свободы, заодно и невольно открыла различным силам простор для геополитического произвола.

³ Не будет лишним еще раз заметить: Россия приведена к демократии не «поражением в холодной войне», но самой европейской сущностью ее культуры. И еще раз: не было никакого поражения.

Глобальные плоды просвещения (экономические, информационные и военные инструменты глобализации) самим своим существованием порождают не только надежду на всеобщее процветание, но и соблазн глобального господства. Среди соблазняемых — и некоторые правительства, и банды террористов, и криминальные интербригады.

Конечно, тонкие ценители обнаружат существенную разницу между вселенской бюрократией, всемирным халифатом и всеядной мафией. Но любая чрезмерная централизация материальных средств тотального контроля и уничтожения, тотального производства и потребления, тотального манипулирования и коррупции формирует тотальную (тоталитарную) власть. А значит — непоправимую несправедливость и несвободу. Что крайне нежелательно в любой отдельно взятой стране и абсолютно неприемлемо в глобальном масштабе.

Сохраняя демократический порядок (целостность многообразия) в нашей стране, ее граждане способны ради защиты собственных прав и доходов участвовать в поддержании баланса многообразия в мире. Навсегда расставшись с гегемонистскими претензиями, не дать обзавестись ими кому бы то ни было. Быть на стороне сообщества суверенных демократий (и свободного рынка) — против каких бы то ни было глобальных диктатур (и монополий). Сделать национальный суверенитет фактором справедливой глобализации и демократизации международных отношений.

В таком деле есть прагматизм и романтика. Найдутся союзники и противники. И — может заключаться миссия.

Ударение

Военно-полицейский аспект национальной самостоятельности, в той или иной мере присущий всем государствам, в российском случае слишком часто проявлялся сверх всякой меры, принимая крайние формы изоляционизма и неистового администрирования. Понимание же суверенитета как свободы и конкурентоспособности открытого общества только начинает складываться, отсюда — актуализация темы.

Демократия наша — фактически ровесница века, свежий продукт трагической трансформации через царизм, социализм, олигархию. Дело для многих все еще непривычное, поскольку никогда прежде наше государство не отличалось щепетильным отношением к гражданским правам.

Поддерживать суверенитет без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности, — задача для начинающих нетривиальная.

И вот, несмотря на то, что прилагательные теперь под подозрением, ударение может быть поставлено: суверенная.

Суверенная

Некоторые подвижники коммерческой философии, трудящиеся в специализированных «некоммерческих» и «неправительственных» организациях, пишут, что в наш век интеграции и взаимозависимости глупо цепляться за суверенитет. Вряд ли, впрочем, среди правительств — спонсоров подобных писаний найдется хоть одно, готовое у себя дома ликвидировать национальное законодательство, экономику, армию и самого себя.

Как пример десуверенизации во имя всего наилучшего приводят Евросоюз. Забывая о заминке с евроконституцией (что, допустим, поправимо). И о том, что речь идет либо о становлении устойчивой ассоциации суверенных государств, либо (в самых смелых мечтах) о синтезе мультиэтнической евронации и ее, так сказать, всесоюзном суверенитете, какими бы политкорректными эвфемизмами он ни обозначался.

Для России жертвовать сегодня национальной свободой ради модных гипотез было бы так же безрассудно, как в свое время — ради карл-марксовых призраков. А расплачиваться ею за еду и одежду (и даже за «оборудование») — и безрассудно, и унижительно.

Суверенитет, будучи «полнотой и независимостью власти», не отменяется. Но — меняется его содержание вместе с манерой властвования. Образ государства, рассредоточенный из дворцов и крепостей по присутственным местам, избирательным участкам и телеэкранам, демократизируется. Массовые действия являются в большей степени итогом обсуждения и

убеждения, чем принуждения. Среди символов могущества все ярче выступают передовая наука, моральное преимущество, динамичная промышленность, справедливые законы, личная свобода, бытовой комфорт.

Основным ресурсом обеспечения суверенитета признается не просто обороно-, а комплексная конкурентоспособность. Которая обретается на воле, в открытом соревновании, никак не в бомбоубежище или теплице.

Наднациональные и межгосударственные структуры разрастаются отнюдь не в ущерб «полноте и независимости». Им делегируется не власть, как мерещится многим, а полномочия и функции. Право же делегировать (а значит, и отзывать), то есть собственно власть, остается национально-государственной.

Конечно, политическое творчество далеко не всех наций увенчивается обретением реального суверенитета. Многие страны и не ставят перед собой такую задачу, традиционно существуя под покровительством иных народов и периодически меняя покровителей. Размножение развлекательных «революций» и управляемых (извне) демократий, кажущееся искусственным, на самом деле вполне естественно среди таких стран.

Что касается России, прочное иновластие здесь немыслимо. Маргинальные союзы бывших чиновников, действующих нацистов и беглых олигархов, взбадриваемые заезжими дипломатами и незатейливой мыслью о том, что за граница им поможет, могут пытаться разрушить, но никогда не смогут подчинить общество, для которого суверенитет — гражданская ценность.

Встречается мнение, будто десуверенизация нашего государства никому неинтересна (или нереальна). Но повсеместная и повседневная нужда в сырье и безопасности столь огромна, а здешние запасы ядерного оружия, нефти, газа, леса, воды так обильны, что излишнее благодушие едва ли уместно. Особенно если учесть, насколько возможность осознания, защиты и продвижения наших национальных интересов снижена повальной коррупцией, диспропорциями экономики и простой медлительностью мысли.

Центр прибыли от международных проектов использования российских ресурсов должен закрепиться в России. Так же как и центр власти над ее настоящим и будущим.

Демократия

Демократия у нас прижилась, но приживалка она или хозяйка — пока вопрос. Формальные ее характеристики (сколько и каких надо партий, президентских сроков, «преемников», социальных пособий, судов, муниципальных образований, государственных предприятий, независимых СМИ) обсуждаются регулярно и остро.

Среди производимых по столь важным и занимательным поводам шумов теряются на дальнем плане слова о свободе, справедливости, доверии. Общественные ценности и мораль почитаются темой чуть ли не академической, а то и вовсе демагогической.

В связи с этим весьма желательно, чтобы поднятая Президентом идея сбережения народа была расслышана обществом в полном объеме как фундаментальная для демократии.

Социальная расточительность, привычка сорить людьми («у Бога людей много»), изводить друг друга без счета и смысла коренится глубоко в прошлом.

Россия теряла в крупнейших войнах больше солдат, чем любой ее союзник или враг. А крупнейшие социально-экономические достижения обретала в периоды деспотического реформирования, подобные войнам.

Окно в Европу прорубалось способами, которые и азиатскими назвать нельзя, не оскорбив Азию. Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества. Политическую неряшливость, с какой водворялась демократизация, могла себе позволить лишь высокомерная и не знакомая с общественным контролем номенклатура. Подменившая легитимную власть олигархия сопровождалась пандемией нищеты, коррупции и заказных убийств, настоящим коммерческим террором, самоистреблением за деньги.

Мрачными парадоксами прогресса отмечены биографии всех великих наций. Но утешения сравнительной тератологии отвлекают от насущного вопроса: может ли Россия расти иначе? Или всегда — через силу? Возможно ли ее свободное развитие, мирное строительство, ненасильственная модернизация?

Впервые за тысячу лет наше общество так свободно. Складывающийся порядок бранят. И прекрасно, поскольку громогласное негодование по случаю изъятий и отступлений демократии – неотъемлемая ее черта. Одни принимают всякую сложность за хаос, разнообразие – за развал, музыку – за сумбур. Другие шарахаются от малейшей тени регламента и процедуры.

Правда, среди одних и других встречаются суеязящиеся переверты с необыкновенной легкостью в мыслях. Смесь дурно понятого традиционализма и либеральных суеверий прописывается простыми рецептами всем страдающим от нехватки денег, воображения и должностей. Бомбометания, баррикады, перевороты, погромы проповеваются настойчиво и с покушениями на литературность.

Задворки демократий всегда кишат радикалами. О них не стоило бы и вспоминать, если бы их не пытались использовать для ослабления национального иммунитета. Бели бы опыт свободной России был не так еще мал, а генетическая память о стране радикально революционной, радикально реакционной и радикально бюрократической не так тяжела и притягательна.

Зыбкость, неукорененность демократических институтов питают кое у кого надежды на возвращение к олигархической либо квазисоветской модели, на присвоение власти отдельными группами денежных и аппаратных интересов.

Впервые в нашей истории есть шанс на излечение хронической болезни судорожного (революционно-реакционного) развития. Усложнение реальности (повышение качества жизни и, соответственно, качества недовольства ею; предъявление все более строгих требований к лидерству; фабрикация необычных взрывоопасных заблуждений; вызревание неожиданных экономических проблем) удивит уже близкое будущее неминуемыми и невиданными кризисами.

Освоит ли Россия народосберегающие технологии демократии для их преодоления? Или по обыкновению обратится к разорительному и беспощадному огосударствлению? Или – капитулирует и распадется? Оптимистические варианты ответов предполагают национальную солидарность на основе общих ценностей свободы, справедливости и материального благополучия.

Сбережение народа может стать целью и средством обновления. Программой гуманизации политической системы, социальных отношений, бытовой культуры. Навыком бережного подхода к достоинству, здоровью, имуществу, мнению каждого человека.

Время наблюдений ничтожно, смелые выводы делать рано, но первые шаги российской свободы обнадеживают. Демократия справилась с нищетой, сепаратизмом, общественным унынием, правовой разрухой, остановила распад армии и госаппарата. Потеснила олигархию, перешла в решающее наступление на международный терроризм, укрепила экономику, работает.

Работа

Для суверенной демократии, отличаемой от прочих интеллектуальным лидерством, сплоченной элитой, национально ориентированной открытой экономикой и умением защищаться, абсолютно приоритетны:

— гражданская солидарность как сила, предупреждающая социальные и военные столкновения. Свободное общество не будет мириться с массовой бедностью (на фоне массового же уклонения от уплаты налогов), убожеством социальной защиты, несправедливым распределением общественных доходов. Равно как и не поставит под сомнение (в условиях необъявленной гонки вооружений) необходимость разумных оборонных бюджетов для поддержания престижа и технического переоснащения армии, флота, спецслужб. За надежду на мир в будущем нужно платить здесь и сейчас;

— творческое сословие как ведущий слой нации, возобновляемый в ходе свободного соревнования граждан, их политических, экономических и неправительственных объединений.

Синергия креативных гражданских групп (предпринимательской, научной, культурологической, политической) в общих (значит, национальных) интересах выглядит позитивной альтернативой самозванству офшорной аристократии с ее пораженческой психологией;

Манипуляция и коррупция могут кое-как поддерживать иллюзию государства. Воссоздавать его всерьез по силам только творческому сословию свободных людей, соединенных ценностями, способных к новациям (значит, к конкуренции), движимых личной выгодой к национальным целям;

— культура как организм смыслообразования и идейного влияния. Россия должна говорить, что делает, а не делать, что говорят, в роли не рядового обывателя, а соавтора и соактора европейской цивилизации.

Производство смыслов и образов, интерпретирующих все-европейские ценности и называющих российские цели, позволит ментально воссоединить расстроенную было нацию, собранную пока условно-административно, на скорую (пусть и сильную) руку.

В полемике культур российское сообщение должно быть весомо и внятно, по природе свободно, по существу справедливо, по форме интересно, по тону приемлемо.

Нужно утвердить собственные позиции в философском, социо- и политологическом дискурсах Запада. А поддержкой искусства (кино и литературы прежде всего) постепенно вернуть покоряющее обаяние отечественной культуры;

— образование и наука как источник конкурентоспособности.

Некоторые конкурентные преимущества, унаследованные от СССР (очевидные в энергетике, коммуникациях, обороне и в самой сфере образования), должны использоваться для устойчивого развития глобально значимой национальной экономики. Могущественная энергетическая держава (до которой пока далеко) возникнет не в результате гипертрофии сырьевого сектора, а в борьбе за обладание высокими технологиями связи и информации, энергомашиностроения и энергосбережения, производства принципиально новых видов топлива.

Интеллектуальная мобилизация на подъем перспективных отраслей, доступ к научно-техническим ресурсам великих экономик, усвоение современной исследовательской и производственной культуры могут стать главнейшими задачами и школ, и университетов, и внешней политики, и международной научной и промышленной кооперации.

Система образования — такая же инфраструктура будущей экономики знаний, как трубопроводы для теперешней экономики нефти. И требует не меньшего внимания и сопоставимых инвестиций.

Сомнения

Говорят: «Россия надорвалась — длительное имперское напряжение лишило ее сил, она утратила пассионарность и покидает историю. Россия распадается — Дальний Восток обезлюдел, Кавказ озлоблен. Россия отстала навсегда — сырьевое захолустье, страна рабов/господ и вечной бедности, перебивающейся с хлеба на квас, с пеньки на газ. Россия вымирает физически — летальный исход от потери населения неотвратим».

Вообще, всяких вскриков в пользу невозможности, неподвижности, неучастия, небытия всегда хватает в дни испытаний на прочность. Среди доводов декаданса — вернейшие, такие как лень, равнодушие, невежество, слабость.

Устранение России из будущего, попытка спрятать ее в прошлом от «кошмара» глобальной конкуренции — главное в замыслах обеих реставраций (олигархической и бюрократической).

Реванш олигархии (окончательное решение по неограниченной транснационализации российских экономических и политических активов) предписывает стране потерю субъектности, растворение в глобализации вместо участия в ней.

Реконструкция бюрократического государства, чаемая почитателями советской старины, уведет нас от конкурентной борьбы в тупик политической изоляции и экономического прозябания.

Реставрационные концепции вдохновлены малодушием и неверием (рекламируемыми как «здоровый смысл»), признают за отдельными корпоративными группировками привилегию присваивать власть, постулируют провал модернизации и черваты разбродом России со всеми печальными последствиями.

Суверен-демократический проект относится к числу допускающих будущее, и не какое-нибудь, но отчетливо национальное. Потому что народ не наделял ныне живущие поколения правом прекратить его историю; гражданам страны, известной

великой цивилизаторской работой, по справедливости принадлежит достойное место в мировом разделении труда и доходов; по принципу «кто правит, того и вера» правящий народ, не утративший веру в себя, — будет.

Русские

Судьба российской нации непрерывно решается как нелинейное уравнение разнородных интересов, обычаев, языков и религий. Русские, неутомимые вершители этой высокой судьбы, плотно сплетены с народами, вовлеченными в создание многогранного российского мира. Вне татарского, угорского, кавказского измерений русское политическое творчество неполно. Исход из России ее народов в 1991-м пережит крайне болезненно. Повторение чего-то подобного — смертельно опасно.

Заглохший (вроде бы) сепаратизм некоторых национально-титолованных территорий оставил повсюду тлеющие очаги культурной замкнутости и архаической нетерпимости. Этнически окрашенные преступные конгломераты (прежде всего террористические) заразили ксенофобией многих людей разных национальностей. Нашлись и среди русских поддавшиеся пропаганде невероятной жизни без соседей и «приезжих».

Шарлатаны, проповедующие прелести этнического уединения, на самом деле пытаются выселить русских из многонациональной России. Куда? В «русскую республику» в границах раннемосковского царства? В этнографический заповедник, где нас никто не достанет, с табличкой «не беспокоить» на заборе?

В каждом регионе и «приезжие», и «местные» должны вести себя в рамках закона и приличия. Этнокриминалитет и сопутствующая ему ксенофобия разрушат русское многонациональное государство, если не будут побеждены правосудием, просвещением и успешным развитием.

Величайшие русские политические проекты (такие как Третий Рим и Третий Интернационал) были обращены к людям других народов и открыты для них. Критически анализируя прошлое, признавая ошибки и провалы, мы вправе и будем гордиться всем лучшим, что унаследовано от империи и Союза. В том числе — уникальным опытом взаимопонимания

Православной церкви с исламской общиной, иными конфессиями, всестороннего взаимодействия и взаимопомощи земель и городов.

Русская мысль органически толерантна. Русская политическая культура исходит из межэтнического мира и стремится к нему. Нет никаких сомнений, что русский демократический проект открыт и должен быть привлекателен для всех российских народов.

Европа

В Европе нашу страну представляют по-всякому. Есть негибкие приверженцы латинского слогана *contra omnes moscos et tataros*⁴. И сомневающиеся, европейцы ли обитают на дальнем евровостоке. Учителя (и добрые, и суровые), претендующие преподавать беспокойному ученику незабываемые уроки разной степени тяжести. И те, для кого Россия — опаздывающий европеец. И те, кому — стратегический партнер и потенциальный союзник.

Недопустимо, чтобы эти представления стали сплошь отрицательными. Впрочем, и превратить их в монотонно приятные вряд ли когда-нибудь удастся.

Все влиятельнейшие европейские нации (Россия в том числе) имеют неоднозначные мнения друг о друге. Век за веком образуя действительно непревзойденную цивилизацию, они не только сотрудничали и взаимно обогащались. Знали также и много горя от ума. Фашистская галлюцинация, бред нацизма, механизированная резня 1914—1918-го, 1939—1945 гг. — произведения (если кто забыл) стопроцентно европейские.

Европа не нуждается в идеализации. Ее теперешнее преимущество в незаурядной воле к рациональному устройству, к поиску мирного пути, по возможности — в обход политических катастроф и ментальных затмений. Бог знает, получится ли, но как минимум в этом смысле Россия, в свою очередь осваивающая демократию, — в Европе.

⁴ Против всех москвитов и татар. Источник: expert.ru

Здесь же — интеллектуальные ресурсы, без доступа к которым модернизация нашей страны невозможна. Сотрудничество в сфере науки, техники, высшей школы, мультинациональные корпорации в наукоемких и высокотехнологичных отраслях могли бы связать нашу экономику с европейской и заатлантической вернее и с большей пользой, чем примитивные поставки сырья.

Повторимся, западнее России разные люди: и намеренные подчинить ее, и полагающиеся на взаимовыгодное партнерство. Первым наша демократия способна предъявить решимость в отстаивании суверенитета, вторым — открытость и гибкость, продуктивность кооперации.

Не выпасть из Европы, держаться Запада — существенный элемент конструирования России.

Скромность

Терроризм не добит. Инфраструктура изношена. Больницы и школы бедны. Техническая отсталость и бытовая неустроенность удручающе огромны. Творческие силы скудны и расплывлены.

Когда для выживания нации срочно требуется новая экономика, упущенное время расторопно доедает старую.

Скромность и трезвость самооценки не повредят амбициям, наоборот, сделают их реалистичнее и честнее. Напомнят: давно пора учиться изобретать, управлять, конкурировать.

Величие

Получит ли великая история России великое продолжение, зависит только от нас, ее граждан. Сегодняшнее величие небесспорно, завтрашнее неочевидно. Президент Путин постоянно напоминает, что на повестке дня не всеобщий отдых под разговоры о великой стране, а активная работа по модернизации.

Пока же велики не столько достигаемые цели и утверждаемые ценности, сколько цены на углеводородное сырье.

Кажется, газированная экономика тонизирует и освежает. Но если и когда она выдохнется, мы увидим, чего стоят ее производные — шипучие амбиции, игристая риторика и дутое благополучие.

Мы обязаны выстроить базис инновационной культуры, системы создания уникальных знаний, поскольку знание — это власть и капитал для сбережения народа. И сейчас, и в после-нефтяную эпоху, наступление которой неизбежно.

Мы обязаны конвертировать сырьевую экономику в интеллектуальную, чтобы проложить России путь наверх, в будущее, в сообщество креативных наций, направляющих историю.

P. S. Текст про суверенную демократию, составляемый по ходу дискуссии совместными усилиями сторонников и критиков, — одна из интерпретаций нашего недавнего прошлого и близкого будущего.

Он основан на предположении о неизбежности усложнения и дифференциации социальных структур. Его задача — привлечение общественного внимания к взаимосвязанным вопросам личной свободы (о демократии) и свободы национальной (о суверенитете). Он открыт для согласия и спора. В нем нет почти ничего обязательного и совсем ничего назидательного.

Единственное, на чем настаивает формируемый текст, — справедливость для каждого в России и для России в мире.

Единственное, чему стремится способствовать, — выработка эффективной практики воспроизводства интеллектуальных, моральных, политических и экономических ресурсов свободы.

Содержание

От редактора	3
<i>Э.Ю. Соловьев</i> Мы нуждаемся в серьезной, ответственной речи	4
<i>Т.И. Ойзерман</i> О российской нации и науке как главной производительной силе	8
<i>В.Г. Федотова</i> Суверенная демократия и национальная модель модернизма	12
<i>Н.В. Мотрошилова</i> Нужно смелее разрабатывать цивилизационные аспекты демократии	16
<i>В.М. Межуев</i> Я бы предпочел говорить о демократическом суверенитете	21
<i>В.С. Стёпин</i> Глобализация обостряет ценность суверенитета	24
<i>С.А. Никольский</i> Свободу нельзя даровать	28
<i>А.В. Рубцов</i> Нам не хватает суверенной демократии повседневного пользования	32
<i>И.К. Пантин</i> Преодолеть раскол общества и государства	42
<i>В.Ж. Келле</i> Для нас важно, что автор науку поставил на первое место	47
<i>А.А. Гусейнов</i> Демократия для России, Россия для демократии	51
<i>В.Ю. Сурков</i> Комментарии к обсуждению «Параграфов про суверенную демократию»	57
Приложение. <i>Владислав Сурков</i> . Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию	71

Научное издание

Демократия для России, Россия для демократии

*Утверждено к печати Дирекцией
Института философии РАН*

Дизайн обложки *М.А. Галдин*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 31.01.08.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 3,91. Тираж 1 000 экз. Заказ № 005.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru